

Одна из лучших книг по истории Венеции. *The Times*

ДЖОН ДЖУЛИУС НОРВИЧ

ВЕНЕЦИЯ

ИСТОРИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА
ДО ПАДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Джон Норвич

**Венеция. История от основания
города до падения республики**

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)

Норвич Д. Д.

Венеция. История от основания города до падения республики /
Д. Д. Норвич — «Азбука-Аттикус», 2003

ISBN 978-5-389-24277-7

В книге подробно освещается история Венеции начиная с основания города в V веке и обретения уникального статуса одного из самых могущественных городов-государств в мире, сохранявшегося за ним на протяжении более тысячи лет, до падения Венецианской республики от рук Наполеона в 1797 году. Издание снабжено вкладками с великолепными цветными и черно-белыми иллюстрациями. «Из всех городов Италии, еще хранящих былое величие, только Венеция основана и выпестована греками. Не случайно именно здесь находится самая большая в мире византийская церковь, где все еще совершаются христианские богослужения и где господствует патриарх. Даже перестав зависеть от Константинополя, Венеция еще долгое время смотрела на Восток, повернувшись спиной ко всей остальной Италии. Кошмарные хитросплетения средневековой итальянской политики, гвельфы и гибеллины, император и папа, бароны и гражданские общины – до всего этого ей не было дела. И к тому времени, когда она наконец снизошла до создания континентальной торговой империи, характер ее уже полностью сложился по свойственному только ей причудливому образцу. И по сей день Венеция во многом сохраняет тот же облик, в котором она представала миру не только при Каналетто, но и во дни Карпаччо и Джентиле Беллини. Коль скоро речь идет о красивейшем городе мира, это уже не просто феномен, а истинное чудо. Вдобавок это редкостный подарок для историка, помогающий воссоздать гораздо более живую и ясную картину минувших эпох, чем это возможно в любом другом городе Европы». (Джон Джулиус Норвич) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(450)

ББК 63.3(4Ита)

ISBN 978-5-389-24277-7

© Норвич Д. Д., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог	7
Часть I	10
1	10
2	19
3	27
4	36
5	43
6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джон Норвич

Венеция. История от основания города до падения республики

John Julius Norwich

A HISTORY OF VENICE

© John Julius Norwich, 2003

© Блейз А. И., перевод на русский язык, 2023

© Постникова О. Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

Научный редактор Антон Захаров, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

* * *

Джон Джулиус Норвич – один из известнейших британских историков, дипломат. Получил образование в Колледже Верхней Канады, Итонском колледже, Страсбургском университете и Новом колледже в Оксфорде. Служил в посольствах Великобритании в Белграде и Бейруте, был членом палаты лордов парламента. Автор более 35 книг, включая вышедшие на русском языке: «Нормандцы в Сицилии», «Расцвет и закат Сицилийского королевства», «Краткая история Франции», «Срединное море», «История Англии и шекспировские короли» и «История папства». Автор и участник свыше 30 исторических документальных фильмов на канале ВВС. Почти 30 лет был председателем фонда «Венеция в опасности». Возглавлял британский Фонд мировых памятников, был членом Королевского литературного общества и Королевского географического общества. Кавалер ордена королевы Виктории и командор ордена «За заслуги перед Итальянской республикой».

* * *

*Посвящается Джейсону и памяти его деда, которого он не знал, –
но его дед любил Венецию, и, по-хорошему, эту книгу должен был бы
написать именно он*

Пролог

Первое знакомство с любым предметом должно быть кратким, но интенсивным. Летом 1946 г. родители привезли меня в Венецию; мы провели там лишь несколько часов, но я до сих пор чувствую (именно чувствую, а не просто вспоминаю!) впечатление, которое она произвела на ум тогдашнего шестнадцатилетнего юноши. Отец, с обычным для него сочетанием твердости и здравого смысла, ограничился посещением всего двух зданий: собора Святого Марка и «Бара Гарри». А за остальное время, пока мы бродили по городу пешком или плыли на мягко покачивающейся гондоле, я бессознательно впитал первый важнейший урок Венеции (которого, к слову сказать, так и не выучил бедный Рёскин, упершийся лбом в трифолии и краббы на стенах Дворца дожей): в Венеции, как ни в одном другом городе мира, целое превосходит сумму своих частей. При всем величии ее церквей, грандиозности дворцов и ослепительной красоте картин главным ее шедевром остается она сама, Венеция. Интерьеры, не исключая даже великое золотое таинство Святого Марка, – лишь частности. Первое же, что надлежит испытать и постичь, – это то, как сочетаются друг с другом Пьяцца и Пьяццетта, и под каким благородным прямым углом к набережной Моло поставлен Сан-Джорджо-Маджоре, и как играет свет на изгибах каналов, и как плещется вода о борт гондолы, и как повсюду разливается вездесущий запах моря (а во избежание недоразумений добавим, что Венеция – самый благоуханный город Европы, не считая часов, когда ветер дует со стороны Местре и Маргеры). Время для Тициана и Тинторетто настанет позже. И даже Витторе Карпаччо придется подождать.

Пока мы блуждали по улицам и плавали по каналам, отец говорил об истории Венеции, и я узнал, что это не просто прекраснейший из городов, какие мне доводилось видеть. Это еще и бывшая республика, которой удалось сохранять независимость более тысячи лет (дольше, чем Англия прожила со времен Нормандского завоевания!) и почти все это время оставаться господжой Средиземноморья, главным перекрестком путей между Востоком и Западом и самым богатым и процветающим торговым центром цивилизованного мира. Отец рассказал, как Венецию защищало море – не только в первые бурные времена, но и на протяжении всей ее истории: это единственный город Италии, который ни разу не был захвачен, разграблен или разрушен. Ни разу – до тех пор, пока Наполеон, этот самозванный «венецианский Аттила», в одном затяжном припадке мстительной злобы не положил конец «Тишайшей республике». Да, признавал отец, ее уникальная государственная система отличалась суровостью, а временами и жестокостью; но, по его словам, она была честнее и справедливее, чем где бы то ни было в Европе, а вдобавок изрядно пострадала от клеветы историков. Именно по этой причине – чтобы восстановить ее доброе имя – он и собирался написать историю Венеции сам.

В тот первый визит мы уехали, как только начало смеркаться и над Гранд-каналом зажглись фонари. Ни один город я еще не покидал с таким горьким сожалением. Но на следующий год мы вернулись и задержались подольше; я начал исследовать город самостоятельно и открыл одно из главных удовольствий своей жизни – ночные прогулки по Венеции. К одиннадцати часам на улицах не остается ни души, кроме кошек; освещение идеально – ничего, кроме редко стоящих электрических фонарей, а тишину нарушают лишь ваши шаги да случайные всплески воды, неразличимой в сумраке. Во время этих прогулок, лет тридцать назад тому назад, я и влюбился в Венецию. С тех пор я исходил ее вдоль и поперек – и люблю по-прежнему.

Мой отец умер в 1954-м, на Новый год. После него сохранилось внушительное собрание книг о Венеции и несколько страниц заметок, но книга по истории города, за которую он так долго мечтал взяться, осталась ненаписанной. Однако сейчас, как мне кажется, необходимость в подобной книге стала еще острее, чем в те времена. Город отчаянно борется за

жизнь, привлекая к себе все больше внимания общественности; но, несмотря на обилие замечательных путеводителей, очерков, обзоров, посвященных искусству и архитектуре, и исторических исследований по отдельным периодам, с начала XX в. на английском языке появилась (насколько мне известно) всего одна, да и то чересчур краткая книга, в которой общая история Венецианской республики изложена целиком и последовательно, в хронологическом порядке. В XIX в., положим, таких работ вышло несколько, но все они, на мой (возможно, чересчур ревнивый) взгляд, либо неточны, либо неудобочитаемы – и даже, как правило, сочетают оба этих недостатка.

Итак, эта книга – попытка заполнить пробел: изложить всю историю Венеции от ее истоков, теряющихся в тумане, и до того печального для всей Европы дня, когда Лодовико Манин медленно снял с головы дожескую шапку и передал ее секретарю со словами, что больше она ему не понадобится. Задача оказалась нелегкой: одна из самых трудноразрешимых проблем, с которыми сталкивается любой историк Венеции, – это инстинктивный, подчас доходящий до фобии страх перед малейшим, пусть даже косвенным намеком на культ личности. Всякому, кто берется за эту тему, рано или поздно доводится с тоской и завистью вздохнуть о городах материковой Италии, по которой великолепной и надменной процессией шествуют обладатели громких имен: Медичи и Малатеста, Висконти и делла Скала, Сфорца, Борджиа и Гонзага... В Венеции же громкие имена куда чаще носят дворцы, чем люди, а пробудить в себе живой человеческий интерес к постановлениям и дебатам безликого Совета десяти куда как непросто.

Еще одной трудностью для меня стало постоянное искушение отвлечься от истории как таковой и погрузиться в рассуждения о живописи и скульптуре, архитектуре и музыке, костюмах, обычаях и общественной жизни – особенно когда дело дошло до XVIII в., в котором искусственная изошренность этой жизни достигла таких высот, на какие поднималась разве что военная машина республики тремя столетиями ранее. Казанова и Карманьола – кто из них был более оторван от реальности? Которая из двух фигур трагичнее – или в конечном счете смешнее, если уж на то пошло? С этим искушением я старался бороться, насколько мог (хотя и отдаю себе отчет, что преуспел не вполне, особенно в том, что касается архитектуры), потому что книг на подобные темы, написанных знатоками и снабженных множеством иллюстраций, в наши дни и так предостаточно, а моя работа и без того чрезвычайно объемна.

Впрочем, она могла бы стать еще объемнее, если бы не тот факт, что история Венеции то слишком богата событиями, то, наоборот, слишком бедна. Рассказать о раннем периоде, от которого дошло не так уж много первоисточников, да и те зачастую противоречат друг другу, можно довольно быстро. Но по мере того, как республика набирала силу, картина становится все более и более сложной. Период с XIII по XVI в. – от латинского завоевания Константинополя и основания венецианской торговой империи до затяжной и печальной истории французского вторжения в Италию и до того душераздирающего момента, когда против Венеции ополчилась едва ли не вся цивилизованная Европа, – так насыщен событиями, что порой я даже сомневался, смогу ли когда-нибудь довести свой труд до конца, а если и смогу, захочет ли хоть кто-то его прочесть. Но затем история внезапно замедляет ход. Читателям, которые удивленно вскинут брови, обнаружив, что в последней части книги целому столетию уделено меньше внимания, чем раньше уделялось десятилетию, и с облегчением скажут, что автор, похоже, выдохся, я могу лишь напомнить, что такие же подозрения навлекали на себя все историки Венецианской республики, на каком бы языке и в какую бы эпоху они ни писали свои труды. Все дело в том, что XVII в., по сравнению с предшествующими, был действительно скуден на политические события, а XVIII столетие (если не считать его заключительного десятилетия) вышло еще того скуднее. И если бы не это счастливое обстоятельство, мне пришлось бы потратить на книгу еще несколько лет.

Но за все упомянутые трудности я вознагражден с лихвой. Чего стоит один только исключительный характер Венеции – ее неповторимая индивидуальность! Из всех городов Италии,

еще хранящих былое величие, только Венеция основана и выпестована греками. Не случайно именно здесь находится самая большая в мире византийская церковь, где все еще совершаются христианские богослужения и где господствует патриарх. Даже перестав зависеть от Константинополя, Венеция еще долгое время смотрела на Восток, повернувшись спиной ко всей остальной Италии. Кошмарные хитросплетения средневековой итальянской политики, гвельфы и гибеллины, император и папа, бароны и гражданские общины – до всего этого ей не было дела. И к тому времени, когда она наконец снизошла до создания континентальной торговой империи, характер ее уже полностью сложился по свойственному только ей причудливому образцу.

Это во-первых. А во-вторых, город поражает своей неизменностью. Воды лагуны защищали его от всех захватчиков, кроме самого последнего (и кроме более коварного врага, пришедшего уже в XX в., а именно автомобиля), так что и по сей день Венеция во многом сохраняет тот же облик, в котором она представляла миру не только при Каналетто, но и во дни Карпаччо и Джентиле Беллини. Столь очевидную победу над временем в любом городе пришлось бы признать необычным явлением; но коль скоро речь идет о красивейшем городе мира, это уже не просто феномен, а истинное чудо. Вдобавок это редкостный подарок для историка, помогающий воссоздать – по крайней мере, в воображении – гораздо более живую и ясную картину минувших эпох, чем это возможно в любом другом городе Европы.

Впрочем, что касается воображения, то я старался крепко держать его в узде, памятуя о том, что книга, которую я пишу, – не художественная. Но и основательным научным трудом ее тоже не назовешь: временной период, который она охватывает, слишком велик, и мне приходилось продвигаться вперед любой ценой, зачастую в ущерб подробному анализу событий. Единственная поблажка, которую я себе позволил, – это время от времени упоминать о постройках и памятниках, украшающих Венецию и по сей день, да и то лишь в тех случаях, когда они имели непосредственное отношение к описываемым событиям. В остальном я стремился лишь к одному: излагать историю как можно более лаконично и связно. И единственное, о чем я жалею, – что эта задача выпала на долю мне, а не моему отцу, который справился бы с ней четверть века назад не в пример виртуознее.

Нередко можно наблюдать, как огромные волны миграции захлестывают какую-нибудь страну, изменяя ее облик и открывая новую эру в ее истории. Но совсем другое дело – горстка беженцев, выброшенная судьбой на песчаную отмель шириной в несколько сотен туа¹, давшую им приют, но не давшую территории для развития. И тем не менее все новые переселенцы стекаются на эти зыбкие пески, где нет ни растительности, ни питьевой воды, ни строительных материалов, ни даже места для строительства, – никакой основы для промышленности, необходимой, чтобы выживать и укреплять почву под ногами. И вот уже они являют народам своего времени первый пример правления, регулируемого законами, создают, по существу, на болотах и раз за разом возрождают могучий флот, ниспровергают великую империю и собирают богатства Востока. Прошло время, и потомки этих беженцев стали определять политическое равновесие Италии и господствовать на морях, фактически превратив все государства Европы в своих данников, и, наконец, свели на нет усилия наций, объединившихся против них в союз. Это, несомненно, великий подвиг человеческого духа, заслуживающий самого внимательного рассмотрения.

Пьер Дарю. История Венецианской республики

---

¹ Туаз – старинная французская мера длины, около 2 м. – *Прим. перев.*

Часть I

От варварских нашествий до Четвертого крестового похода

Вопрос: Что есть море?

Ответ: Прибежище в невзгодах.

Алкуин. Беседа детей в вопросах и ответах

1

Истоки (до 727 г.)

*Немногие бежали от того,
Кто похвалялся: «Там, где конь прошел мой,
Трава уж не растет», – но беглецы
Венеции начало положили.
Сперва они гнездились, точно чайки,
Над бездной моря, на песках зыбучих,
Под ветром, дувшим с севера и с юга,
И каждый шаг давался им с трудами;
Но время шло, и вот уж над волнами,
Как бы могучим выдохом пучины,
Вознесся город золоченых шпилей,
Театров и украшенных соборов,
Арена славы и оплот сиянья,
Себе не знавший равных за века.*

Сэмюэл Роджерс. Венеция

В некотором смысле Венеция до сих пор лежит в колыбели, из которой когда-то вышла. Пожалуй, во всем мире не найдется другого большого города, которому удалось бы сохранить в своем непосредственном окружении так много от первоначальной атмосферы породившей его среды. Путешественник, приближающийся к Венеции – будь то с моря, как и подобает к ней приближаться, или по суше, через мост, или даже по воздуху, – видит все ту же плоскую и пустую водную гладь, все те же болота и тростниковые заросли, среди которых некогда нашли приют первые венецианцы; и поражается, с каждым разом все сильнее, не просто неосуществимости, а чистому безрассудству их затеи. Это причудливый мир – мир венецианской лагуны: около 200 квадратных миль соленой воды, большей частью мелкой, человеку по пояс, но изрезанной глубокими каналами, по которым венецианские корабли столетиями пролагали путь в открытое море; усыпанной отмелями – отложениями ила, который веками несли сюда с Альп Брента, Силе и другие, еще более могучие реки, наподобие По и Адидже; ошестинившейся несметными рядами столбов и свай, которые вбивали в песчаное дно как приметы невидимых, но важных деталей местности: рыболовных угодий и вершей для омаров, затонувших кораблей, тянувшихся под водой канатов и якорных цепей, мелководий и предпочтительных маршрутов для лодочников, занимающихся перевозками между городом и островами. В любое время года, при любом освещении лагуна кажется до странности бесцветной: вода здесь не

настолько глубока, чтобы обрести насыщенную бархатистую синеву Средиземного моря или терпкую зелень, обычную для других областей Адриатики. И все же она бывает прекрасна – в особенности осенними вечерами, когда дни становятся короче и поверхность лагуны блестит, точно масло, под низким, туманным солнцем. Так прекрасна, что невольно задаешься вопросом: почему знаменитые венецианские художники, зачарованные все, как один, великолепием своего города, уделяли так мало внимания его окрестностям? Будь на их месте голландцы, они бы знали, что делать! Впрочем, венецианскую школу всегда отличала жизнерадостность, а лагуна, при всей своей красоте, бывает невыразимо печальной. И спрашивается, кто в здравом уме решился бы покинуть плодородные равнины Ломбардии, чтобы основать поселение (не говоря уже о городе) среди этих болотистых, малярийных пустошей, на этих крохотных песчаных островках, поросших пыреем, – беззащитных игрушках течений, приливов и ветров?

Это вопрос, на который можно дать лишь один ответ, потому что толкнуть людей на столь неразумный, по всем меркам, шаг может только одно побуждение – страх. Основатели Венеции были перепуганными беженцами. Откуда они бежали изначально, не имеет значения; возможно, из Иллирии, хотя одно предание возводит их историю ко временам Гомера и гласит, что это были жители Анатолии, откочевавшие на запад после падения Трои. Но, как бы то ни было, к рубежу IV–V вв. будущие основатели Венеции уже вели цивилизованную оседлую жизнь, расселившись по городам Римской империи вдоль северного и северо-западного побережий Адриатики – таким, как Падуя и Альтино, Конкордия и Аквилея. Лагуна интересовала их разве что как источник соли и свежей рыбы.

Без сомнения, так бы все и продолжалось, если бы история дала на это хоть малейший шанс. Но с началом V столетия на север Италии обрушились варвары. Вначале пришли готы под водительством Алариха: в 402 г. они взяли в осаду Аквилею, по пути разграбив и предав огню богатую провинцию Венетия и Истрия и повергнув в ужас всю Италию. Население целых городов и деревень в страхе бежало перед армией захватчиков. Людям требовалось укрытие – одновременно и неприступное, и незавидное: такое, чтобы враг не имел ни побудительных мотивов, ни практических возможностей последовать туда за беженцами. В этой ситуации острова лагуны оказались очень мудрым выбором. Сюда, решили переселенцы, эти дикари из континентальной Европы, незнакомые с морем и мореходством, скорее всего, не пойдут: на материке хватало куда более привлекательных и богатых целей. Переселенцы оказались правы. В последующие годы беглецов, устремлявшихся в безопасный приют по каналам и отмелям, становилось все больше – по мере того, как через полуостров лавина за лавиной прокатывались все новые волны варваров. В 410 г. Аларих разграбил Рим, а всего через одиннадцать лет был официально основан город Венеция: в полдень 25 марта 421 г.

Так, по крайней мере, гласит древнее и почтенное венецианское предание. К сожалению, документ, на который оно опирается и который связывает основание города с визитом трех падуанских консулов, приехавших создать факторию на островах Риальто, всего лишь правдоподобен, но едва ли правдив. Да, подобная делегация вполне могла посетить острова, и прибытие высоких гостей из Падуи действительно могли ознаменовать строительством церкви, названной в честь святого Иоанна (Сан-Джакомо), как утверждает в этом документе². Но даже если и так, развивать колонизацию падуанцы не стали, а дата основания города, указанная с такой немислимой точностью, представляется слишком ранней: едва ли на этом этапе островитяне могли самостоятельно проявить столь серьезную инициативу. По меньшей мере до середины V в. мало кто из них рассчитывал остаться на островах навсегда. Как только очередная волна завоевателей отступала, среди беженцев вспыхивала надежда, что скоро они смогут

² На этой легенде основаны заявления о том, что именно Сан-Джакомо ди Риальто – старейшая церковь Венеции. Но современное здание этой церкви датируется периодом не ранее конца XI в. – *Прим. перев.*

вернуться по домам (если от них хоть что-нибудь осталось) и к прежнему образу жизни. Прошло не одно десятилетие, прежде чем их потомки поняли, что этому не бывать.

Потому что готы оказались лишь первой ласточкой. В 452 г. на смену им явился новый бич народов, куда более свирепый и жестокий, – гунн Аттила, который неудержимо продвигался через Северную Италию, разрушая все на своем пути. Он тоже осадил Аквилею; та героически оборонялась на протяжении трех месяцев, и варвары, не привыкшие к такому стойкому сопротивлению, уже начали поглядывать в сторону более доступных жертв. Но однажды Аттила, объезжая верхом городские стены, поднял голову и заметил аиста, покидающего со своими птенцами гнездо на одной из башен. Невозможно удержаться и не процитировать Гиббона: «С прозорливостью находчивого политика он понял, какую пользу можно извлечь из этого ничтожного факта при помощи суеверия, и воскликнул радостным голосом, что такая ручная птица обыкновенно живет в соседстве с людьми и не покинула бы своего старого убежища, если бы эти башни не были обречены на разрушение и безлюдье»³. Гунны, воодушевленные этим знамением, устремились на приступ с новой силой, и всего через день-другой от девятого по величине города Римской империи осталась лишь пустая скорлупка.

За последующие годы та же судьба постигла и многие другие города, селения и усадьбы, так что поток беженцев постоянно рос. Многие продолжали упорно возвращаться на материк, увидев, что непосредственная опасность миновала, но немало находилось и таких, кто предпочитал остаться, примирившись с новыми обстоятельствами и сочтя их приемлемыми. По мере того как условия жизни на материке ухудшались, островные общины росли и даже начали процветать. В 466 г. их представители собрались в городе Градо и разработали простейшую систему самоуправления, основанную на ежегодных выборах трибуна от каждой из общин. На том этапе связи между общинами были еще совсем слабыми, а в собрании участвовали не только жители небольшого архипелага, который сегодня известен под именем Венеции: тот же Градо стоит милях в шестидесяти от него, к югу от Аквилеи, на берегу другой лагуны. И все же именно с этой давней ассамблеи начался неспешный конституционный процесс, который в конечном счете и породил Тишайшую республику.

Разумеется, самоуправление – не то же самое, что независимость; но географическая изоляция помогала первым венецианцам держаться в стороне от политических катастроф, сотрясавших остальную Италию. Гладь лагуны не всколыхнуло даже падение Западной Римской империи и низложение последнего ее императора, малолетнего Ромула Августула, свергнутого варваром Одоакром. Даже остгот Теодорих, в свою очередь свергнувший Одоакра, похоже, сомневался в безоговорочном повиновении венецианцев. Письмо «морским» трибунам от префекта претория Кассиодора, написанное в 523 г. и направленное из столицы Теодориха, Равенны, кажется чересчур витиеватым и льстивым для образца рутинной чиновничьей корреспонденции:

Урожай в Истрии, – писал Кассиодор, – выдался в этом году на диво изобильным, ввиду чего поступил приказ обеспечить доставку вина и оливкового масла в Равенну. Итак, молю вас доказать свою преданность и произвести упомянутую доставку со всею возможной скоростью. Ведь вам принадлежит множество судов в ваших краях... и плыть вы будете, в некотором смысле, через собственные владения. Не считая прочих преимуществ, перед вами всегда открыт безопасный путь: когда поднимается бурный ветер, затворяя выход в открытое море, вы можете укрыться выше по течению безмятежнейших рек. Буря вашим кораблям не страшна: ведь они никогда не отходят далеко от берега. Издалека, когда борта их укрыты от

³ Э. Гиббон. Закат и падение Римской империи, глава 18. Здесь и далее цит. в переводе В. Неведомского.

взгляда, нередко кажется, будто они плывут не по волнам, а прямо через поля. Иногда вы и впрямь волочите их на канатах, подталкивая сзади...

Ибо вы живете как птицы морские: жилища ваши, подобно Кикладам, рассеяны по поверхности вод. Земля, на которой они стоят, держится лишь на корнях ивняка и лоз; и все же вы не боитесь противопоставить столь хрупкий оплот неистовству моря. Ваш народ богат только рыбой – но ее хватает на всех. Вы не различаете богатых и бедных: пища у всех одинакова, дома у всех похожи. Зависть, правящая всем остальным миром, вам неведома. Все свои силы вы отдаете возделыванию своих соляных угодий, ибо в них, воистину, залог вашего процветания и возможности покупать то, чего у вас нет. Ведь если и есть на свете люди, не имеющие большой нужды в золоте, то людей, не желающих соли, среди живущих нет.

Итак, снарядите же со всем усердием суда свои (которых вы, словно лошадей, держите на привязи у дома) и поспешите отплыть...⁴

Даже если сделать скидку на обычный для Кассиодора цветистый слог, впечатление остается однозначным: эти странные морские жители могут быть исключительно полезны для государства, но обращаться с ними следует аккуратно. Однако главная ценность его письма – в той картине жизни на лагунах, которую оно рисует (древнейшей из всех дошедших до нас)⁵. Здесь уже обозначены два столпа, на которых в дальнейшем утвердилось величие Венеции, – торговля и мореплавание. Уже у первых поселенцев торговля была в крови. Соль, которую они собирали в своих садках, была не только ценным товаром: ее можно использовать для засолки рыбы, которая почти с такой же легкостью добывалась в окрестных водах. К середине VI в. венецианские торговые плоскодонки стали привычным зрелищем на реках Северной и Центральной Италии.

Формировался и морской флот. Во времена Теодориха, по-видимому, он использовался в основном в мирных целях – для доставки припасов в Равенну; но вскоре после смерти остготского короля на полуостров снова пришла война. Теодорих вторгся в Италию с благословения Византии, но правил как абсолютный монарх, не желая терпеть вмешательство даже со стороны Константинополя. Под его властью Италия фактически вышла из состава Восточной Римской империи. Хуже того, и сам Теодорих, и многие его подданные были ревностными арианами. Арианство (согласно которому Христос был не истинным богом, а творением Бога Отца, не равным ему по божественности) давно уже было осуждено как ересь, но на первых порах почти все христианские миссионеры проповедовали варварским племенам именно это учение, и в результате оно успело распространиться по всей Европе. Сам Теодорих отличался религиозной терпимостью: он допускал полную свободу вероисповедания, и в частности, сурово преследовал проявления антисемитизма. Но еретические воззрения остготов дали Византии оправдание для начала войны, и в 535 г. император Юстиниан развернул кампанию по возвращению Италии в лоно империи, доверив эту задачу самому выдающемуся своему полководцу Велизарии.

Жителей лагуны война затронула лишь косвенно: властям снова потребовались их корабли, но теперь уже далеко не в мирных целях. В 539 г. Велизарий подступил к стенам Равенны, и венецианцам велели держать гавани наготове – на случай, если придут греческие суда с подкреплениями, – а весь собственный флот направить на помощь византийским войскам, осадившим столицу.

---

⁴ Cassiodorus, *Variorum*, Book XII, Letter 24. – Прим. перев.

⁵ Чтобы увидеть атмосферу Венеции VI в. более современными глазами (но, разумеется, менее достоверно), можно сравнить это описание с ура-патриотической трагедией Габриеле д'Аннунцио «Корабль» (1908), действие которой происходит в Венеции в 522 г. н. э. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

Равенна пала; Италия снова вошла в состав империи, и, хотя мир на полуострове в целом воцарился еще не скоро, старая римская провинция Венетия и Истрия полностью сохранила свои прежние территории и охотно покорилась Константинополю. С точки зрения местного населения, ничего не изменилось к худшему: повседневными делами по-прежнему управляли избранные трибуны, а высшая имперская власть оставалась далеко и взирала на отвоеванные провинции благосклонно. В 551 г. местные жители помогли преемнику Велизария, семидесятилетнему евнуху Нарсесу, доставить морем в Равенну наемников-лангобардов, которые не могли добраться до столицы посуху из-за разлива рек. В благодарность Нарсес, как утверждают, построил две церкви на островах Риальто. Одна из них, носившая имена святых Джиминьяно и Менны (любопытно, что было общего между епископом Модены и малоизвестным фригийским мучеником?), располагалась, по всей видимости, в центре нынешней площади Святого Марка, а другая – там, где сейчас стоит часовня Сан-Исидоро. Она была посвящена первому покровителю Венеции – святому Теодору Амасийскому, изваяние которого, дополненное крокодилообразным драконом, сейчас украшает западную колонну на Пьяццетте.

За двенадцать лет венецианцы дважды приводили на помощь Константинополю свой флот, теперь уже, без сомнения, ставший самым могучим на Адриатике. За это они, по всей вероятности, пользовались особой благосклонностью имперского экзарха в Равенне и подчиненного ему правителя провинции – военного магистра (*magister militum*). По крайней мере, нечто в этом роде заставляет предположить «Альтинская хроника» – потрясающе безграмотная мешанина фактов и легенд, составленная в XII в. и – ничего не попишешь! – остающаяся одним из основных наших источников информации об этом раннем периоде. В ней обнаруживается несколько путанный рассказ о том, как Нарсес попал в опалу и был смещен после смерти Юстиниана в 565 г., а пришедший ему на смену Лонгин нанес официальный визит жителям лагуны. Обращение венецианцев к высокому гостю стоит процитировать дословно:

Бог был нашим помощником, защитником, покровителем и спасителем, сохранив нас и защитив, и мы спаслись благодаря Его заступничеству, поселившись в лагунах, разместившись в деревянных ладьях... Вторая Венеция, которую мы имеем в водных лагунах, является, как можно увидеть, чудесным местом обитания, ибо нет в мире такой власти и такого флота – ни у императора, ни у королей, ни у прочих князей, какие есть в этом мире, – которые бы заставили нас бояться, что они нас захватят и завладеют нами⁶.

Несмотря на скрытый в этих словах вызов, Лонгин удостоился торжественного приема: его встретили «под звон колоколов и такое громкое звучание флейт, кифар и органов, что и грома небесного не услышали бы...». Затем венецианские послы отправились с ним в Константинополь и вернулись с первым в истории официальным договором между Венецией и Византией. В обмен на верность и оказание услуг по мере необходимости венецианцы получали военную защиту и торговые привилегии на всей территории империи.

«Альтинская хроника» утверждает, что Лонгин намеренно не стал требовать с них присяги на верность. На этом основании местные патриоты еще добрую тысячу лет твердо стояли на том, что Венеция никогда не подчинялась Византии по-настоящему. Процитированные ранее слова (которые, напомним, были записаны лет через шестьсот после самих событий) – еще одно свидетельство этой позиции. Только в последнее столетие историки Византии, пристально и беспристрастно изучившие документальные свидетельства того времени, безоговорочно установили, что первые венецианцы, быть может, и пользовались особыми привилегиями, но все-таки оставались подданными Византийской империи в полном смысле слова и не в меньшей степени, чем их не столь удачливые соседи на материке. Независимость не снизошла

⁶ Альтинская хроника, IX. Здесь и далее цит. в переводе И. Дьяконова.

на город чудесным образом в миг его рождения: так же как и демократическим институтам, ей предстояло расти и развиваться неторопливым и естественным путем, на протяжении многих лет – и, возможно, именно поэтому она продержалась так долго.

С евнухами, как всем известно, шутки плохи: это люди опасные. Отставка Нарсеса, если верить преданиям, повлекла за собой не только прояснение политического статуса Венеции, но и гораздо более серьезные последствия, причем для всей Италии. Старик хорошо служил своему императору. В таком возрасте, когда иные давно уже наслаждаются заслуженным отдыхом, он воевал по всему полуострову, возглавляя одну отчаянную кампанию за другой. Даже потерпев окончательное поражение в битве с остготами у подножия Везувия в 553 г., Нарсес не успокоился. Он тотчас развернул масштабную программу реорганизации и реконструкции на вверенных ему землях и продолжал воплощать ее в жизнь еще целых двенадцать лет, пока, словно гром среди ясного неба, не грянула опала. Когда Нарсеса сместили с должности, ему уже исполнилось восемьдесят семь. Императрица София решила подкрепить отставку тяжким личным оскорблением: она послала бывшему экзарху в подарок золотую прялку и пригласила его прясть в женских покоях, коль скоро он не мужчина. Нарсес, как говорят, ответил: «Я спряду ей такую нить, конца которой она за всю жизнь не сыщет», – после чего отправил к Альбоину, королю лангобардов (обитавших на территории современной Венгрии), послов со всеми дарами Средиземноморья, приглашая его прийти и взять страну, порождающую такое изобилие.

Альбоин откликнулся на зов. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, и так началось последнее – и самое долгое – из всех варварских нашествий. Потоки беженцев вновь устремились из материковых городов в поселения на лагунах, но кое-что уже изменилось. Теперь это были не просто перепуганные беглецы в поисках укрытия, которое приютит их до лучших времен. В то, что придут лучшие времена, никто больше не верил. Все были по горло сыты кровопролитием, насилием и разрухой: с каждой новой волной завоевателей становилось все хуже. Так что теперь люди покидали свои дома не поодиночке, а целыми общинами, во главе которых шли епископы и несли святые реликвии, которым предстояло обрести пристанище в новых церквях и стать символической связующей нитью между прежней и новой жизнью – между прошлым и будущим.

Хроники того времени полны преданий и легенд, связанных с этой миграцией, которая продолжалась целых семьдесят лет, пока Италия оставалась под властью лангобардов. Например, в «Альтинской хронике» мы читаем, как Павел, епископ Альтино⁷, услышал глас с небес, повелевший ему подняться на башню и посмотреть на звезды; и звезды указали ему путь на острова, где его народ обретет спасение (возможно, он увидел светящиеся дорожки на воде, в которой отражались эти звезды). Альтинцы последовали за ним и обосновались на острове Торчелло, в одноименном поселении, название которого – «Башенка» – напоминает о башне, на которую поднялся епископ. Схожим образом, под руководством своих епископов, если и не самого Господа Бога, жители Аквилеи (опустошенной уже в третий раз за сто пятьдесят лет) отыскивали дорогу в Градо, жители Конкордии – в Каорле, а падуанцы – в Маламокко. Наконец, в 639 г., в правление императора Ираклия I, лангобарды захватили город Одерцо, обитатели которого, включая и греческих чиновников, управлявших провинцией, бежали в основанное ранее поселение Читтанова в устье реки Пьяве. Одерцо был последним оплотом византийской власти в материковой части Венеции. Теперь, не считая изолированного клочка земли на полуострове Истрия, некогда великая провинция сократилась до поселений на лагуне. Новой ее столицей стала Читтанова, в честь императора переименованная в Эраклею. Но по-видимому, Торчелло не уступал ей по значимости: именно там в том же 639 г. под покровительством самого Ираклия I была возведена базилика, посвященная Деве Марии. Сохранился документ,

⁷ В действительности герой этой легенды не назван в хронике по имени. – *Прим. перев.*

засвидетельствовавший ее основание, в котором упоминаются по именам византийские сановники, имевшие отношение к строительству: экзарх Равенны Исаак и его военный магистр Маврикий. Сама базилика тоже сохранилась до наших дней и ныне известна как собор Успения Девы Марии – Санта-Мария-Ассунта⁸.

Но в контексте позднейшей истории республики самым важным из всех этих переселений стало одно из первых – исход из Аквилеи в Градо. По преданию, епархия Аквилеи основана самим святым Марком, и потому здешний архиепископ (впоследствии принявший титул патриарха) считался главным духовным лицом всей Венецианской лагуны и в иерархии итальянского духовенства занимал второе место, уступая лишь папе римскому. Впрочем, в те времена это было скорее почетное звание, чем залог реальной власти, потому что архиепископ (он же первый патриарх) Аквилеи Павлин не просто увел своих последователей от ереси (ведь лангобарды, все до единого, были арианами!), но и, практически одновременно, направил их на путь раскола. Останавливаться на исторических и богословских причинах этого разрыва с Римом – так называемой схизмы трех капитулов – мы не станем. Важно лишь то, что Венеция, если можно так выразиться, родилась раскольницей; и несмотря на то, что митрополия Градо в 608 г. вернулась в лоно римской церкви, раскол – в форме соперничества с архиепископом старой Аквилеи – продолжался еще почти целое столетие, на протяжении которого обе стороны упорно осыпали друг друга проклятиями и обличали как самозванцев. В конце концов спор разрешился, но прежнее единство было утрачено. Аквилея и Градо остались независимыми епархиями; власть первой из них простиралась на старые материковые земли провинции, второй – на Истрию и Венецианскую лагуну. На протяжении многих последующих поколений взаимная ревность между ними отравляла политические и религиозные отношения Венеции с континентальными городами. Но, так или иначе, древний епископский престол, на котором некогда восседал сам святой Марк, занимал патриарх Градо. Престол этот был заново воздвигнут в большой церкви, построенной Павлином и его последователями и уцелевшей до наших дней. Посвящена она, как ни странно, не упомянутому евангелисту, а святой Евфимии – предводительнице группы местных девственников, претерпевших мучения в Аквилее вскоре после исхода переселенцев в Градо. Но именно с этой церкви началась долгая история ассоциаций между святым Марком и Венецией, продолжившаяся 250 лет спустя, когда мощи евангелиста перевезли из Александрии.

Благодаря столь неожиданному и активному притоку новых постоянных жителей Венеция стала быстро развиваться, но назвать ее городом еще было нельзя. Острова Риальто, на которых стоит современная Венеция, в VI–VII вв. оставались в основном незаселенными, хотя Нарсес и построил на них две церкви. На том этапе будущая республика представляла собой группу островных общин, разбросанных по обширной территории и не связанных между собой практически ничем, кроме уз формального единства, наложенных византийским правительством. Даже ее латинское самоназвание, *Venetiae* (букв. «Венетии»)⁹, представляло собой форму множественного числа. Единого центра не имелось: в Эраклее располагалась резиденция византийского наместника, в Градо – престол патриарха, но и Эраклея, и Градо оставались, в сущности, большими деревнями. Торчелло как торговый центр был богаче их обоих, и соседи его недолюбливали, хотя и признавали его экономическое превосходство. Подобные

⁸ Собор был перестроен в 864 г., а затем еще раз – в 1008 г.; с тех пор и по сей день его архитектурная конструкция оставалась неизменной. Украшающие его великолепные мозаики созданы несколько позже, в XII–XIII вв. Сам город Эраклея исчез практически бесследно, потому что береговая линия Адриатического моря постоянно меняется. По всей вероятности, он стоял не на месте современной одноименной деревни, а в нескольких милях к юго-востоку от нее, неподалеку от Кортеллаццо.

⁹ Принять традиционную историю этого названия было бы приятно, но очень нелегко. Франческо Сансовино (высокообразованный сын архитектора Якопо Сансовино, автор труда «Венеция, град благороднейший и несравненный» в тринадцати книгах, опубликованного в 1581 г. и по сей день остающегося одной из величайших работ, посвященных этому городу) излагает ее в таких словах: «Некоторые держатся мнения, что слово сие, VENETIA, означает VENI ETIAM, сиречь “приходи снова и снова”, ибо сколь бы часто ни приходил ты, всякий раз увидишь нечто новое и узришь новые красоты».

трения, пожалуй, возникали неизбежно: венецианцы VII в. утратили ту идиллическую невинность, которая так поразила Кассиодора в VI столетии. И трибуны, и новоприбывшие епископы непрерывно соперничали между собой, а разногласия между общинами все чаще перерастали в открытые столкновения, предотвратить которые византийским властям было не под силу. Имперское представительство в Эраклее только мешало венецианцам выдвинуть из собственной среды такого лидера, который сумел бы их объединить. И кто знает, сколько бы сохранялась эта неудовлетворительная ситуация, если бы не события 726 г., повлекшие за собой тяжелый кризис и в конечном счете падение византийского господства в Италии.

Кризис начался с того, что император Лев III повелел уничтожить все иконы и святые изображения в своих владениях. Последствия такого указа не заставили себя долго ждать и оказались поистине сокрушительными. Повсеместно вспыхнули бунты; в особенности бурно возмущались монастыри. В восточных провинциях империи почитание икон к тому времени достигло такого размаха, что при крещении образы святых нередко заменяли крестных родителей. Подобные крайности неизбежно породили иконоборческую реакцию, так что здесь указ Льва III получил некоторую поддержку. Но в западных областях, более умеренных и ничем не заслуживших таких суровых мер, новые законы были с негодованием отвергнуты. Итальянская провинция империи при воодушевленной поддержке папы Григория II восстала против своих хозяев. Павел, экзарх Равенны, был убит, а прочие византийские ставленники вынуждены спасаться бегством. По всему экзархату мятежные гарнизоны (комплектовавшиеся из местных жителей) выбирали собственных командиров и провозглашали независимость. В Венецианской лагуне выбор общин пал на некоего Урса (или Орсо) из Эраклеи. Он встал во главе бывшего правительства провинции и получил титул *dux* (лат., предводитель; военачальник, командир; правитель; государь).

В этом последнем происшествии не было ничего из ряда вон выходящего: то же самое происходило тогда и во многих других мятежных городах. Но только в Венеции, в отличие от прочих городов, назначение Орсо положило начало непрерывной традиции, сохранявшейся более тысячи лет, а его титул, под влиянием венецианского диалекта принявший форму «дож», перешел к преемникам, общее число которых за всю историю республики достигло ста семнадцати.

Одна из самых раздражающих особенностей ранней венецианской истории – постоянные расхождения между истиной и легендами. Полагаю, мои читатели уже получили возможность в этом убедиться; а те, кто знаком со стандартными английскими трудами на эту тему, наверняка припомнят, что историю происхождения дожей сами венецианцы в прошлом трактовали совсем иначе. Это и неудивительно: если упорно стоять на том, что Венеция «родилась свободной», то невозможно согласиться с теорией, связывающей зарождение республики с бунтом против иноземных угнетателей. Поэтому официальная версия гласила, что в 697 г. патриарх Градо созвал всех жителей лагуны на общее собрание в Эраклее. Указав, что их внутренние распри ставят под угрозу все будущее страны, он предложил венецианцам избрать единого правителя вместо двенадцати трибунов. Так и был выбран первый дож Паоло Лучио Анафесто, вскоре заключивший мирный договор с королем лангобардов Лиутпрандом.

Сама по себе эта версия звучит вполне правдоподобно и вызывает уважение хотя бы в силу своей древности: она восходит к началу XI в., к самому раннему из дошедших до нас трудов по истории Венеции, автором которого считается Иоанн Диякон. Более того, именно с Паоло Лучио начинаются все списки дожей, а его воображаемый портрет возглавляет длинную галерею полотен на стенах Зала Большого совета. Беда только в том, что ни дожа, ни даже простого венецианца по имени Паоло Лучио Анафесто попросту не существовало. Договор с Лиутпрандом тоже никто не заключал. Из первоисточников нам известно лишь то, что некий правитель (*dux*) Павликий и его военный магистр Марцелл закрепили границу Венеции в окрестностях Эраклеи и что эта граница впоследствии была признана лангобардами. Венеция,

как мы теперь знаем, была в тот период провинцией Византии. Поэтому очевидный и, более того, единственно возможный вывод из этого свидетельства – что загадочный Павликий был не кем иным, как Павлом, экзархом Равенны, правившим с 723 г. и до своей гибели от рук мятежников в 727 г.; и к тому же самому году Иоанн Диакон относит смерть Паоло Лучио! Невозможно представить, чтобы официальное закрепление границы обошлось без участия имперского наместника, равно как и без второго по старшинству лица в провинциальной иерархии – военного магистра Марцелла, который в результате аналогичной игры воображения вошел в историю как второй после Паоло Лучио венецианский дож. Историки Венеции строили свои теории на таких же зыбких песках, на каких был возведен и сам город.

2

Рождение (727–811)

*А близ них молодой Пипин
Простер воинство
От Теснин до Палестринского берега,
Не жалея трудов и трат,
Чтобы вытянуть мост от Маламокко
До Риальто, и биться на мосту,
И бежать, растеряв своих в пучине,
Когда море бурей смыло мост.*

Ариосто. Неистовый Роланд, песнь XXXIII¹⁰

Восстание Италии против византийского господства продлилось недолго. Сам папа Григорий, поначалу вдохновлявший мятежников, не желал, чтобы власть лангобардских еретиков стала уж слишком сильной. К тому же вскоре стало понятно, что иконоборческие указы на Западе никто не принимал всерьез и не собирался проводить в жизнь по-настоящему. Горячие головы остыли, и в целом возобладало мнение, что лучше вернуться под руку империи, по крайней мере номинально, – при условии, что в отдельных городах сохранятся новоиспеченные демократические институты. Поэтому не стоит удивляться, что всего через несколько лет после мятежа дожу Орсо был дарован имперский титул ипат (букв. «высочайший»; эквивалент римского титула консул) – и этим отличием он, по-видимому, так гордился, что его потомки взяли себе фамилию Ипато. Несмотря на все политические перемены, Венеция определенно сохранила и административные, и эмоциональные связи с Константинополем. Орсо был лишь первым из многих дожей, кичившихся почетными византийскими званиями: такие звучные титулы, как патриций, проэдр (букв. «председатель») или спафарий (букв. «меченосец»), регулярно (и есть подозрение, что совершенно произвольно) повторяются в хрониках вплоть до X в. и даже позже. Довольно скоро дожи стали одеваться по примеру экзарха и даже самого императора; дожеский церемониал подражал имперским; воскресные молитвы в соборе Святого Марка вторили греческой литургии в церкви Святой Софии. Многих византийских девушек отправляли морем на Запад, в объятия венецианских женихов; многие венецианцы отсылали сыновей на Восток – получать образование в Константинополе.

И все же политическое влияние империи на Венецию ослабло. Разумеется, греки не намеревались отступить без борьбы, но уже было ясно, что Северная Италия вот-вот стряхнет с себя власть Византии. В 742 г., после краткого междуцарствия, вторым дожем Венеции был избран сын Орсо – Теодато, или, как его иногда называют педанты, Деусдedit¹¹. Он перенес дожескую резиденцию из имперской Эраклеи в республиканский Маламокко¹², расположенный ближе к центру провинции, и стал если и не официально, то фактически суверенным правителем.

Наконец, в 751 г., пала Равенна; нельзя сказать, что Венецианская лагуна по-настоящему осиротела, но лангобарды, возможно, собирались прибрать к рукам и ее, восполнив образовавшийся вакуум верховной власти (пусть та и оставалась чисто номинальной). К счастью, у

---

¹⁰ Перевод М. Гаспарова.

¹¹ Оба варианта имени означают «Богоданный» (в переводе с греческого и латыни соответственно). – *Прим. перев.*

¹² В те времена город под названием Маламокко находился не на месте одноименной современной деревни, а по другую сторону Лидо, на восточном берегу. В 1105 г. его поглотило море.

короля Айстульфа, преемника Лиутпранда, возникли более насущные проблемы. В том же году по другую сторону Альп молодой Пипин, сын Карла Мартелла, низложил Хильдерика III, короля из династии Меровингов, и захватил франкский престол. Почти сразу же после этого, по приглашению папы Стефана III, он вторгся в Италию и нанес лангобардам одно за другим два сокрушительных поражения. Большую часть завоеванных территорий Пипин передал в дар Стефану (так было положено начало Папскому государству и светской власти пап), но господствующей силой в Северной Италии отныне стали франки. Впрочем, Венеция и на сей раз осталась в стороне. Передел земель не затронул область лагуны; франки не спешили распространить свое влияние вдоль побережья Адриатики, и со времен падения экзархата прошло еще лет шестьдесят, прежде чем венецианцам наконец пришлось встать на защиту своей молодой республики.

Однако это не значит, что вторая половина VIII столетия оказалась для них более мирной, чем первая. Возможно, Венеция и нашла удобную для себя форму правления, но еще не достигла ни внутреннего порядка, ни подлинного единства. Поселения по-прежнему враждовали между собой, и даже внутри отдельных общин – между семьями и фракциями – тлела взаимная ненависть, то и дело перераставшая в открытые столкновения. Дож Теодато, как и его отец, плохо кончил: его сверг и ослепил его преемник, которого вскоре (не прошло и года) постигла та же участь. Четвертый дож продержался дольше; но через восемь лет имел неосторожность выступить против двух трибунов (которых теперь переизбирали ежегодно, чтобы предотвратить злоупотребления дожеской властью) и тоже был смещен.

С избранием Маурицио Гальбайо в 764 г. дела пошли на поправку. Этот знатный уроженец Эраклеи, притязавший на происхождение от императора Гальбы¹³, олицетворял возвращение к старой провизантийской традиции. Его противники, среди которых были и более последовательные республиканцы, и те, кто полагал, что Венеции пойдут во благо тесные связи с набиравшим силу королевством франков, по всей вероятности, считали его реакционером. В 778 г. их подозрения подтвердились: Маурицио назначил соправителем своего сына Джованни. Для зарождающейся республики это был опасный и беспрецедентный шаг. Правда, Теодато Ипато в свое время тоже наследовал отцу, но не сразу и, самое главное, не в обход народного голосования. Но возвышение Джованни Гальбайо означало, что после смерти Маурицио вся полнота власти перейдет к нему автоматически, без одобрения подданных: фактически их просто никто не спросит. Правда, старый дож взял на себя труд спросить византийского императора и получить его одобрение, но республиканцев это вряд ли утешило.

Назначение соправителя предвещало недоброе, и остается лишь удивляться, что Маурицио преуспел в своем замысле и, более того, что в 796 г. Джованни, в свою очередь, сумел сделать соправителем собственного сына, подтолкнув Венецию еще на шаг ближе к наследственной монархии. Самое простое объяснение заключается в том, что венецианцы устали от кровопролития и мечтали о такой системе, при которой правители станут сменять друг друга спокойно, не слишком нарушая течение повседневной жизни и, разумеется, без ущерба для торговли. Ничего необычного в этом не было: естественная преемственность власти всегда служила одним из самых убедительных аргументов в пользу наследственного принципа, и в случае со многими народами мира этот аргумент замечательно оправдывался на практике. Но с венецианцами, как вскоре показали события, дело обстояло иначе.

Первый дож из рода Гальбайо, при всей своей реакционности, сделал немало, чтобы заслужить доверие подданных. На протяжении одиннадцати лет он правил ими уверенно и мудро. Благосостояние, а с ним и численность народа росли, и вскоре венецианцы стали расселяться по все еще пустовавшим островам лагуны, которые до тех пор по тем или иным

---

¹³ Позднее семейство Гальбайо сменило фамилию на Кверини, под которой многие его представители прославились в последующие века. .

причинам игнорировали. В частности, архипелаг Риальто, располагавшийся примерно на полпути между внешней границей мелководья и побережьем материка, оставался почти необитаемым со времен Нарсеса. Скорее грязевые, чем песчаные, труднодоступные из-за окружающих отмелей, невысокие и потому подверженные наводнениям в периоды *aqua alta*, «высокой воды» (сезонных подъемов уровня воды в Адриатическом море), эти островки прежде казались непригодными для интенсивной колонизации. Но географически они занимали центральное положение, а вдобавок предоставляли возможность отдохнуть от бесконечных дразг и склок между старыми общинами и начать все с чистого листа. Итак, в VIII в. на этих островах развернулось бурное строительство. Поначалу оно концентрировалось на Оливоло – самом восточном островке архипелага: по преданию, троянцы, бежавшие из своего разрушенного города, когда-то построили там крепость, с чем и связано другое название острова, прижившееся позже, – Кастелло. Около 775 г. дож Маурицио основал здесь новую епархию и превратил небольшую церквушку, носившую имена святых Сергия и Вакха, в кафедральный собор¹⁴ Святого Петра¹⁵.

В том же году старый дож умер, и бразды правления принял, как и ожидалось, его сын. Но, увы, Джованни Гальбайо был не чета отцу: он оказался бессилен перед проблемами, назревавшими по всей остальной Италии, где франки стремительно укрепляли свои позиции и превращались во все более серьезную угрозу для независимости Венецианской республики. После смерти Пипина королем франков стал Карл – будущий Карл Великий, – прошедший на итальянских землях последние пятнадцать лет (с небольшими перерывами) и за это время внушивший венецианцам глубокую неприязнь. Они подозревали, и не без причины, что Карл делает огромные деньги на торговле рабами. Кроме того, он уже однажды обращался к папе с просьбой принять меры против Венеции. Папа, со своей стороны, после победы Пипина над лангобардами стал владельцем значительной части Итальянского полуострова, но всецело зависел от франков: без их поддержки он не смог бы защитить и сохранить свои приобретения. Профранкскую политику папы, естественно, поддерживало и подавляющее большинство латинского духовенства. В результате к двум традиционным фракциям, которые существовали в Венеции уже давно (и которые, рискуя показаться поверхностным, я все же назову провизантийской в Эраклее и республиканской – в Маламокко), добавилась третья, опиравшаяся на поддержку церкви и выступавшая за союз с франками.

Вплоть до конца столетия эта третья партия неуклонно набирала силу, а стимул к дальнейшему укреплению получила на Рождество 800 г., когда Карл был коронован как император Запада. Под предводительством патриарха Градо (который уже не первый год открыто сопротивлялся центральному правительству в Маламокко) она превратилась в серьезную угрозу для безопасности республики. Дож Джованни, к тому времени последовавший примеру отца и назначивший соправителем собственного сына, еще одного Маурицио, сознавал всю опасность сложившегося положения. Чтобы ограничить влияние патриарха на духовенство, он попытался поставить во главе новоиспеченной епархии Оливоло молодого грека Христофора. Но тот не мог приступить к своим обязанностям, пока патриарх не провел над ним обряд посвящения в сан, – а патриарх наотрез отказался это сделать, и не столько по причине крайней молодости претендента (Христофору было всего шестнадцать), сколько из-за того, что ставленник дожа слишком рано выказал антипатию к франкам. В ответ дож отправил в Градо флотилию во главе

¹⁴ В действительности церковь тогда получила лишь новое название, а статус кафедрального собора (резиденции патриарха Венеции) был ей присвоен лишь в 1451 г. – *Прим. перев.*

¹⁵ Другая легенда гласила, что место для собора указал сам святой Петр, явившийся епископу Эраклеи в видении и велевший выбрать «место, где он увидит коров и овец, пасущихся бок о бок». С тех времен собор Сан-Пьетро ди Кастелло несколько раз перестраивали (в последний раз – в 1598 г.) и в итоге превратили в не слишком удачную стилизацию под Палладио. Статус кафедрального собора он сохранял вплоть до падения республики. В 1807 г. эта честь была передана собору Святого Марка, который до тех пор формально оставался лишь придворной капеллой при Дворце дождей.

со своим сыном. Патриарха схватили, притащили на вершину его дворцовой башни и, к тому времени уже тяжелораненого, сбросили вниз.

Однако политические убийства редко помогают достичь тех целей, ради которых совершаются. Слухи об ужасном преступлении разлетелись далеко за пределы Градо, а жители самого Градо еще много поколений подряд клялись, что на мостовой у подножия башни до сих пор видны кровавые пятна. Не успел Маурицио вернуться домой, как пришло известие, что на смену убитому патриарху избран его племянник Фортунат. Тот был еще более ярким противником режима Гальбайо, чем его дядя, и немедленно бежал во владения франков, а светские вожди оппозиции, опасавшиеся, как и он, что события в Градо станут лишь прелюдией к царству террора в самой Венеции, в то же самое время отправились в Тревизо, где под руководством бывшего трибуна Антенорео Обелерио выработали план по свержению дожесоправителей. В 804 г. их заговор увенчался успехом. Поднялся народный бунт; отец и сын Гальбайо уцелели, но были низложены; вслед за ними в изгнание отправился молодой епископ Христофор, а Обелерио сразу же после своего триумфального возвращения в Венецию был облечен дожеской властью.

Но тех венецианцев, которые решили, что отныне можно вздохнуть спокойно, ожидало разочарование. Очень скоро Обелерио разделил власть со своим братом Беато, и новая пара соправителей оказалась ничем не лучше прежней. Обстановка внутри самой республики накалялась. Треволнения последних двух лет питали ненависть между фракциями, порождая все новые и новые обиды и раздувая жажду возмездия. Вековая вражда между Эраклеей и Маламокко вспыхнула с новой силой – и на сей раз не утихла до тех пор, пока войска дожа не напали на оплот сторонников Византии и не сожгли его дотла. Прошло лишь несколько месяцев, а многим уже казалось, что братья Антенорео вскоре разделят судьбу своих предшественников. Но тут на сцену вышел патриарх Фортунат с предложением от Карла Великого: если Обелерио восстановит его, Фортуната, в должности и открыто признает владычество франков над Венецией и островами лагуны, то Западная империя возьмет дожа и его брата под свое покровительство.

Несмотря на то что братья возглавляли сопротивление провизантийскому семейству Гальбайо, эта вражда носила скорее личный, нежели политический характер, и особой приязни к франкам они никогда не выказывали. Но ныне у них не оставалось выбора. И вот на Рождество 805 г. правители Венеции прибыли в Ахен и присягнули на верность Карлу Великому как императору Запада. Обелерио пошел еще дальше: он выбрал себе жену из числа придворных дам Карла и привез ее в Венецию, где она стала первой догарессой, упоминания о которой сохранила история.

В Константинополе весть о предательстве Венеции (а поступок братьев Антенорео, разумеется, был истолкован именно так) вызвала глубокое недовольство. Византийцы, по понятным причинам всегда считавшие себя законными наследниками Римской империи, еще не вполне пришли в себя после коронации Карла. Когда правящая императрица Ирина два года спустя не поспешила решительно отвергнуть его предложение о браке, ее тотчас низложили и отправили в изгнание (почему-то на остров Лесбос), а новый император Никифор, хотя и смирился с существованием Западной империи как с фактом, все же не был готов покорно стерпеть еще один удар. В 809 г. византийские корабли прошли вдоль побережья Далмации и встали на якорь в лагуне.

Приняли их холодно. Все попытки византийского адмирала вступить в переговоры сталкивались с сопротивлением на каждом шагу; в конце концов он не выдержал и решил атаковать... но не саму Венецию, а флотилию франков, которая базировалась в Комаччо, примерно в сорока милях к югу. Но враг оказался сильнее, чем он рассчитывал. Через несколько дней, потерпев унижительный разгром, византийцы отвели свои корабли к берегам Кефалонии.

В Венеции ситуация оставалась запутанной и беспокойной. Противостояние между фракциями вновь обострилось из-за возобновившейся вражды между двумя империями-соперницами. Обелерио, Беато и третий брат, Валентино, присоединившийся к ним как еще один соправитель, решили разыграть свою последнюю карту. Вспомнив о договоре 805 г., они отправили послов к сыну Карла Великого, Пипину (который тогда правил в Равенне как король Италии), и пригласили его ввести войска в Венецию и расположить гарнизоны во всех крупных городах провинции. Пипин принял предложение. По условиям договора он и не мог отказаться; но, надо полагать, он мог бы проявить предусмотрительность и потрудиться выяснить заранее, как его встретит народ Венеции.

Пипин выступил из Равенны в начале 810 г. – слишком поспешно и почти без подготовки. Венецианцы, напротив, отлично подготовились к его приходу, но только не в том смысле, в каком обещали посланники дождей. Перед лицом всеобщей опасности население лагуны сплотилось, отбросив разногласия. Дожи протестовали и пытались объяснить, но на них никто не обращал внимания: да, братья оказались предателями, но с ними можно разобраться и позже. Поручив защиту республики одному из старейших поселенцев Риальто, некоему Аньелло Партичипацио¹⁶, венецианцы перегородили каналы, убрали все буйки и вехи и приготовились дать врагу решительный отпор.

Столкнувшись с яростным сопротивлением с первых же шагов по венецианским землям, Пипин тем не менее без особого труда завладел Кьоджей и Палестриной – островами на южной оконечности лагуны. Но перед каналом, отделявшим остров Маламокко (в наши дни более известный как Лидо) от Палестрины, ему пришлось остановиться. Красочный рассказ о том, что случилось дальше, оставил нам не кто иной, как византийский император Константин VII Багрянородный – в трактате «Об управлении империей», который он написал для своего сына в середине X в. С точки зрения надежности этот источник ничем не хуже прочих, несмотря на то что от описанных событий его отделяет более ста лет:

Когда король Пипин явился против венетиков с крупным сильным войском, он обложил переправу, ведущую с суши на острова Венеции, в месте, называемом Аивола. Поэтому венетики, видя, что на них идет со своим войском король Пипин и что он намерен отплыть с конями к острову Маламавку [Маламокко]... бросая шпангоуты, перегородили всю переправу. Оказавшись в бездействии, войско короля Пипина (ибо он был не в состоянии переправить их в ином месте) простояло напротив венетиков, на суше, шесть месяцев, воюя с ними ежедневно. Тогда как венетики поднимались на свои суда и устраивались позади набросанных ими шпангоутов, король Пипин стоял со своим войском на морском берегу. Венетики, воюя луками и пращами, не позволяли им переправиться на остров. Так, ничего не достигнув, король Пипин заявил венетикам: «Будьте под моею рукою и покровительством, ибо вы происходите из моей страны и державы». Но венетики ему возразили: «Мы желаем быть рабами василевса ромеев¹⁷, а не твоими»¹⁸.

Впрочем, по другим направлениям войска Пипина продолжали наступать. Вскоре пал Градо, а за ним, по-видимому, Эраклея (или то, что от нее осталось) и Езоло. Но жители Маламокко, переправив детей и женщин на Риальто, сопротивлялись все так же стойко; прослышав, что Пипин намеревается уморить их голодом, горожане, согласно легенде, осыпали армию

¹⁶ Известен также другой вариант фамилии – Партичиакко. Позже, в X в., семейство приняло фамилию Бадозер, которую и по сей день носят его далекие потомки.

¹⁷ То есть византийского императора, подданные которого продолжали называть себя Ρωμαῖοι – «ромеями», или «римлянами».

¹⁸ *Константин Багрянородный. Об управлении империей*, 28. Пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева.

франков хлебами из катапулт, чтобы показать, насколько тщетны его надежды. Между тем весна сменилась летом, и захватчики вплотную столкнулись с извечной напастью Венецианской лагуны – малярийными комарами. Вдобавок поползли слухи, что на помощь Венеции спешит огромный византийский флот. Пипин понял, что проиграл, и распорядился снять осаду. Возможно, решение отступить отчасти объяснялось и состоянием его здоровья: всего через несколько недель король Италии скончался.

В последнее время историки повадились обвинять венецианцев в том, что они, дескать, преувеличивали значимость своей победы; и действительно, при виде двух гигантских картин Вичентино, по сей день хранящих память о ней в Зале выборов во Дворце дожей, никто не сможет сказать, положив руку на сердце, что это свершение осталось недооцененным. Верно и то, что Пипин отступил не раньше, чем венецианцы, торопясь от него отделаться, согласились выплачивать ежегодную дань – и в дальнейшем исправно платили ее еще сто с лишним лет. Наконец, столь же верно и то, что Пипину удалось забрать под свою руку все острова лагуны, за исключением самого важного. Но завоеванные города недолго оставались под властью франков, да и в любом случае значение 810 г. не сводится ни к каким отдельно взятым событиям, политическим или военным. В прошлом жители лагуны уже не раз заявляли о своем праве на независимость; но именно в том году они впервые сразились за это право и смогли его отстоять. Заодно они доказали еще кое-что: какие бы противоречия и обиды ни разделяли их между собой, перед лицом настоящей угрозы они уже в те давние времена могли почувствовать себя не просто жителями Маламокко или Кьоджи, Езоло или Палестрины, а *венецианцами*. Пипин выступил против группы общин, увязших в междоусобицах, а потерпел поражение от объединенного народа Венеции.

Ныне, словно в поисках какого-то зримого символа единства, жители лагуны обратили взоры к Риальто, к этой горсточке островов, которые никогда не ввязывались в дразги своих соседей, а в последние годы стали пристанищем для беженцев из других, не столь удачливых поселений – беженцев, спасавшихся от наступления франков подобно тому, как их предки тремя-четырьмя столетиями ранее спасались от готов и гуннов. Маламокко, столь доблестно оборонявшийся от захватчиков, доказал свою состоятельность в качестве общины, но настоящей столицей так и не стал. Правление последней троицы дожей, братьев Антенорео, обернулось катастрофой. Маламокко не соблюдал политический нейтралитет в той мере, в какой это необходимо для федеральной столицы. Кроме того, как показала история с Пипином, этот город был слишком уязвим для атак. Однажды ему удалось дать врагу отпор, но в другой раз удача могла от него отвернуться. Морская граница лагуны, проходившая по линии лиди (*lidi*, длинные, узкие отмели, разделявшие залив и открытое море), оказалась не безопасней, чем сухопутная.

Острова архипелага Риальто – сам Риальто, Дорсодуро, Спиналонга (нынешняя Гвидекка), Луприо (окрестности Сан-Джакомо-дель-Орио) и Оливоло (ныне известный под названием Кастелло) – были лишены всех этих недостатков. Они воспринимались как оплот умеренности, терпимости и здравого смысла в бушующем море ненависти и вражды. Занимая центральное положение в лагуне, они оставались практически недоступными для тех, кто не был знаком с окружающими отмелями и банками: лучшего места для обороны нельзя и представить. К тому же после падения Градо только здесь сохранился религиозный центр общереспубликанского значения – Сан-Пьетро ди Кастелло. Население архипелага, состоявшее из бывших беженцев и поборников политических фракций всех мастей, в совокупности было нейтральным. Риальтинцем был и герой дня – тот самый Аньелло Партичипацио, который заставил отступить войска Западной империи. Итак, столицу перенесли на Риальто. Троицу дожей отправили в изгнание. Хватаясь за последнюю соломинку в попытках удержаться у власти и сохранить репутацию, они переметнулись на сторону республики и обратились против захватчиков, но эта жалкая уловка никого не ввела в заблуждение. На смену им венецианцы избрали

единственного возможного на тот момент кандидата – самого Аньелло, чье скромное жилище на Кампьялло-делла-Казон (около церкви Сан-Канчано) стало первым Дворцом дожей.

Формально провинция Венеция все еще оставалась частью Византийской империи. Но к тому времени она уже была полностью автономной, а имперское правительство в Константинополе вполне довольствовалось таким положением дел (тем более что изменить его все равно было невозможно). Теперь нужно было обеспечить независимость и от Запада. Всего через месяц-другой после снятия осады Маламокко Венецию посетил проездом византийский посол, направлявшийся ко двору франков в Ахен.

Византийцы между тем свыклись с мыслью о том, что от Карла Великого уже не избавиться, и, как ни странно, примирились с его существованием. Быть может, подспудно они чувствовали, что управляться с новой, нарождающейся мощью Европы силами одного-единственного императора уже невозможно. В теории Константинополь был хранителем римского права, цивилизации и имперских традиций, но по духу он стал совершенно греческим. Рим, пусть даже растерзанный варварами и деморализованный столетиями анархии, все еще оставался средоточием латинской культуры, – и задачу возрождения римского мира на Западе взяла на себя не Византия, а франкский Ахен.

Будь Карл Великий лет на тридцать моложе, он, пожалуй, не принял бы предложений Константинополя с такой готовностью; но он уже был стар и устал, и проблема раздела собственной империи между уцелевшими на тот момент наследниками заботила его куда больше, чем дальнейшая территориальная экспансия. Он всегда утверждал, что возведение в императорский сан стало для него неожиданностью. В любом случае эта высокая честь определенно его смущала, и он старательно воздерживался от каких бы то ни было агрессивных планов в отношении Восточной империи. Все, чего он желал от Византии, – чтобы та признала его императорский титул; в свете этого дружба с собратом-императором Никифором была пределом его мечтаний, и отказаться ради нее от притязаний на Венецию было не жаль.

Договор между двумя империями, согласованный весной 811 г. (хотя вступивший в силу лишь три года спустя, потому что и Карл Великий, и Никифор умерли, не успев его утвердить), предоставил обеим сторонам именно то, в чем они нуждались, но за известную цену. Франки получили признание своего имперского статуса, а для византийцев отказ Карла Великого от любых притязаний на Венецию означал не только сохранение сюзеренитета над провинцией, но и уверенность в том, что главная морская сила Адриатики не обратится против них. Приобретения с обеих сторон сопровождались взаимными уступками, и только Венеция выиграла от этого договора безусловно, ничего не отдав взамен. Отныне она могла наслаждаться всеми преимуществами (отчасти политическими, но в первую очередь культурными и торговыми), какие давал статус византийской провинции, не поступаясь при этом своей независимостью ни на йоту. В следующие годы и десятилетия венецианские дожи оставались – с юридической точки зрения – византийскими чиновниками, а значит, носили столь любезные их сердцу византийские титулы и временами могли даже рассчитывать на византийское золото. Но при этом они были венецианцами в полной мере – и избранниками венецианского народа, а Восточная империя никогда больше не пыталась сколько-нибудь серьезно вмешаться во внутренние дела республики, которую они возглавляли. Проводить далеко идущие исторические параллели всегда рискованно, тем более когда речь идет о явлениях, столь далеких друг от друга и во времени, и по духу; но, представляя себе отношения между Венецией и Константинополем, установившиеся на добрых двести лет после заключения договора, все же трудно не сравнивать их с положением, в котором сейчас находятся страны Содружества наций по отношению к Соединенному Королевству.

Появились и другие преимущества. *Pax Nicephori*, «Нисефорский мир», как его стали называть в честь императора Никифора, отмежевал Венецию от остальной Италии и тем самым – очень своевременно! – уберег ее от потрясений, которые вскоре преобразили политический

пейзаж полуострова, да и большей части всей Западной Европы. Благодаря связям с Византией республика словно не заметила ни распространения феодальной системы, ни возникновения коммунальных правительств, позднее установившихся в Ломбардии и Тоскане, ни бесконечной войны между гвельфами и гибеллинами, которая, пусть и с перерывами, тянулась в той или иной форме почти до самого конца республики. Парадоксально, и все же факт: покорившись Восточной империи, Венеция тем самым обеспечила себе независимость и грядущее величие.

3

Возникновение города (811–900)

«...И Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр». Если бы дух пророчества вошел в его сердце, когда берега Азии скрылись из виду, то как бы изумился этот слабый ученик (тот самый, что озирался назад, возложив руку на плуг, и потому был сочтен недостойным споспешествовать первейшему из поборников Христовых)¹⁹, узнав о том, что символом его среди людей в грядущие века станет лев!..

Рёскин. Камни Венеции

Лагуна вернулась к мирной жизни, и дож Аньелло смог полностью сосредоточиться на новой проблеме – ничуть не менее сложной и пугающей, чем та, с которой он только что справился. Острова Риальто, плоские и подверженные частым затоплениям, были слишком маленькими и болотистыми, чтобы принять наплыв новых поселенцев. Чтобы обустроить на них столицу, достойную растущей республики, их следовало укрепить, осушить и, насколько позволяли тогдашние примитивные методы мелиорации, расширить. Кроме того, следовало оградить их от морской стихии, потому что лиди – отмели на границе с открытым морем – оказались на поверку не слишком надежной защитой. Для решения этих задач дож назначил комиссию из трех человек. Николо Ардизонио он поручил укрепить лиди, при необходимости снабжая их искусственными подпорками; Лоренцо Алимпато – проложить каналы, укрепить берега островов и подготовить строительные площадки, а ответственность за само строительство возложил на своего родственника Пьетро Традониго.

Первые здания были в основном скромными, двухэтажными, легкой конструкции, снижавшей опасность просадки, и, как правило, крытыми соломой. Но, как и в современных венецианских домах, в них уже обычно имелись две двери: одна выходила на сушу (возможно, в небольшой огород при доме), а другая – прямо на воду. Самым употребительным материалом по-прежнему оставалась древесина – легкая, удобная в транспортировке, легкодоступная (благодаря сосновым лесам, окружавшим лагуну) и недорогая. Кирпичом, столь характерным для более поздней венецианской архитектуры, еще почти не пользовались: грязь на островах лагуны была слишком мягкой и жидкой. Для более внушительных построек – в случаях, когда дерево казалось недостаточно долговечным и впечатляющим, – оставался только один доступный материал: камень. Прежде всего – твердый белый камень с полуострова Истрия.

Но у камня тоже были недостатки, в особенности вес. Заложить достаточно прочный фундамент можно было лишь одним способом: забить в болотистую почву несколько тысяч деревянных свай вплотную друг к другу – так, чтобы их спиленные вровень верхушки образовали практически цельную твердую поверхность. Это был долгий и трудоемкий процесс, но дело того стоило: многие дома Венеции до сих пор держатся на сваях тысячелетней давности. Этой техникой продолжали пользоваться и впоследствии – чуть ли не до середины XX в.²⁰ Но в IX в. она только зарождалась; каменных зданий было немного, за исключением церквей и большого дворца, который Аньелло начал возводить для себя и своих преемников рядом со старой церковью Сан-Теодоре.

---

¹⁹ Деян. 15: 39; Лк. 9: 62 (парафраз); далее имеется в виду, что апостол Петр не предложил Марку разделить с ним его служение (Деян. 12). – *Прим. перев.*

²⁰ На таких сваях (количеством 1 156 627, согласно сохранившимся записям) покоится даже столь колоссальное здание, как церковь Санта-Мария делла Салюте, возведенная Бальдассаре Лонгеной между 1630 и 1687 гг. на берегу острова Дорсодуро («твердейшего», как подразумевает его название, из всех островов Риальто).

От первого Дворца дожей ничего не сохранилось. Он стоял на том же месте, что и нынешний, но выглядел совершенно иначе: из-за массивных зубчатых стен с угловыми башнями и подъемными мостами он походил скорее на крепость, что было вполне естественно в свете недавних событий. В архитектурном плане он и близко не мог сравниться с великолепными постройками, которые в то же время возводили прямо за ним с восточной стороны. То были церковь и монастырь Сан-Заккариа; церковь предназначалась для упокоения мощей этого святого (отца Иоанна Крестителя), недавно переданные Венеции в дар византийским императором Львом V Армянином в знак дружбы и доброй воли. Не исключено, что Лев этим не ограничился и сам оплатил все строительные работы; по меньшей мере точно известно, что он направил из Константинополя в Венецию опытных зодчих и мастеров. Но, как ни досадно, их творения тоже погибли. Сан-Заккариа, подобно большинству старейших церквей Венеции, перестраивался и подвергался реконструкции столько раз, что от изначального здания практически ничего не осталось. Но в ранней истории республики он сыграл немаловажную роль, и в свое время мы к нему вернемся.

Начальная застройка, продвигавшаяся по тщательно продуманному плану, предопределила основные линии развития для новорожденной столицы и в общих чертах сформировала ее облик, сохранившийся и по сей день. Но, помимо строительных забот, у дожа имелись и более насущные проблемы, и самую непростую из них создал он сам. Из всех правителей, которых до той поры знала Венеция, Аньелло был самым просвещенным, но и он поддался соблазну передать свою должность по наследству, а поскольку его старший сын Джустиниано находился в отъезде, в Константинополе, дож назначил соправителем младшего сына Джованни. Джустиниано вернулся и в гневе потребовал отстранить брата от должности; отец уступил, но Джованни, в свой черед, пришел в ярость и повел себя так недостойно, что Аньелло был вынужден изгнать его из города. Но все эти раздоры не выходили за пределы семьи и не угрожали безопасности республики. Строительные работы продолжались по плану, и в итоге можно смело утверждать: Аньелло Партичипацио больше, чем кто бы то ни было, заслужил славу первого зодчего Венеции. Печально лишь, что он не дожил до того события, которое, пожалуй, оказалось важнейшим в духовной истории республики, стало залогом ее религиозной независимости и укрепило ее национальную гордость, а заодно и подарило городу самый знаменитый и долговечный из его памятников.

Легенда гласит: корабль, на котором святой Марк плыл из Аквилеи в Рим, бросил якорь у островов Риальто. Здесь Марку явился ангел и благословил его такими словами: «*Pax tibi, Marce, evangelista meus. Hic requiescet corpus tuum*»²¹. Исторических оснований у этой легенды, мягко говоря, недостаточно, да и само пророчество казалось неосуществимым, поскольку святой Марк позднее стал епископом Александрии, где и прожил до самой смерти. Но легенда очень пригодились в 828 г. или около того, когда два венецианских купца привезли из Египта некое забальзамированное тело и заявили, что это мощи евангелиста, выкраденные из александрийской усыпальницы. Как и следовало ожидать, рассказы об этой аванюре разнятся в деталях, но в целом сходятся на том, что купцам удалось каким-то образом уговорить или подкупить христиан, охранявших усыпальницу и обеспокоенных будущим своей церкви под властью сарацин. Похитители разрезали погребальные пелены на спине, извлекли тело и подменили его лежавшими тут же, под рукой, останками святого Клавдиана. Затем тело евангелиста уложили в большую корзину и понесли в гавань, где уже стоял наготове венецианский корабль²².

²¹ «Мир тебе, Марк, евангелист мой. Здесь упокоится тело твое» (*лат.*). Первая из этих двух фраз знакома всем посетителям Венеции, потому что она выбита на страницах раскрытой книги, которую держат в лапах общеизвестные крылатые львы, символы города. Одно из немногих исключений – каменный лев перед зданием Арсенала: его книгу оставили закрытой, сочтя ангельскую весть чересчур мирной для такого воинственного заведения.

²² Согласно одному из вариантов легенды, в то время в порту Александрии стояло целых десять венецианских кораблей. Если эта деталь правдива, то перед нами свидетельство того, насколько активно развивался торговый флот республики.

Между тем аромат святости, исходивший от мощей, так усилился, что, по словам одного хрониста, «даже если бы в Александрии собрали все пряности мира, город и то не напитался бы таким благоуханием»²³. Это, естественно, вызвало подозрения, и местные чиновники явились обыскать корабль. Но венецианцы спрятали свою добычу, накрыв тело в корзине слоями свинины, при виде которой чиновники, все до одного благочестивые мусульмане, закричали: «Канзир, канзир!» (то есть «Свинья, свинья!») – и в ужасе бежали прочь. После этого тело завернули в парусину и подняли на нок-рею, где оно и оставалось, пока судно не покинуло порт. Впрочем, на этом испытания не кончились: на обратном пути корабль едва не напоролся на какой-то риф, не отмеченный на карте, но святой Марк самолично разбудил спящего капитана и вовремя подсказал ему, что нужно убрать паруса. Благодаря этому корабль уцелел и в конце концов добрался до Венеции, где его драгоценный груз встретили со всем надлежащим ликованием.

Это предание, очаровательно и во всех подробностях (вплоть до криков, с которыми таможенные чиновники бежали с корабля) проиллюстрированное мозаиками на стенах нынешней базилики²⁴, – не просто одна из легенд, которыми так богата ранняя история Венеции, а нечто более важное. Тожество останков, привезенных в Венецию, с мощами святого Марка большинство исследователей признают историческим фактом. Столь же несомненно и то, что Джустиниано Партичипацио (который остался дожем и правил единолично после смерти своего отца, скончавшегося в 827 г.) тотчас повелел построить для хранения этих мощей отдельную часовню в броло (саду), отделявшем его дворец от церкви Сан-Теодоре. Более того, велика вероятность, что вся экспедиция в Александрию была предпринята по тайному распоряжению самого дожа. Чтобы завоевать почетное место среди государств новой Европы, постепенно приобретающей все более определенные очертания, Венеция нуждалась в каком-то особом знаке престижа: одного лишь богатства или господства на море было недостаточно. В Средние века, когда политика и религия были связаны между собой неразрывно, придать городу ореол мистического могущества могли какие-нибудь значимые святые реликвии. Мощи святого Захарии, конечно, были лучше, чем ничего, но этого казалось мало. А вот мощи одного из евангелистов обеспечивали Венеции апостольское покровительство и высочайшее, второе после Рима, место в духовной иерархии, что (в совокупности со статусом патриарха, закрепившимся за венецианскими епископами) позволяло притязать на беспрецедентную для стран латинского Запада автокефалию.

Ничто не мешало использовать эти духовные преимущества и в самых непосредственных политических целях; и в этом отношении момент для обретения святой реликвии тоже был выбран весьма удачно. Всего лишь годом ранее, в 827-м, Мантуанский собор во главе с представителями папы и императора Запада предложил восстановить патриархат в Аквилее, поставив епископский престол в Градо ему в подчинение. Поскольку Аквилея входила в состав Западной империи, эта ситуация могла обернуться серьезной угрозой для независимости Венеции. Но мощи святого Марка, образно выражаясь, легли на другую чашу весов и дали возможность игнорировать предложение Мантуанского собора. Кафедра в Градо сохранила свои полномочия и юрисдикцию над венецианской церковью, воспрянувшей и окрепшей под эгидой святого евангелиста.

Учитывая эти обстоятельства, многие, вероятно, ожидали, что дож Джустиниано передаст драгоценные мощи новому собору в Оливоло. Но он выбрал местом их хранения сад собственного дворца, с самого начала утвердив связь этой важнейшей реликвии со светскими, а не с церковными властями²⁵. Прежний святой покровитель Теодор был отправлен со своим

²³ *Мартинио да Канале*. Хроника Венеции, глава IX.

²⁴ Над южным трансептом, около часовни Святого Климента.

²⁵ Благодаря этому усыпальница святого Марка приобрела (и сохранила на все грядущие столетия) первостепенное место

драконом на вершину одной из колонн на Пьяцетте и там благополучно забыт. Покровителем Венеции стал святой Марк. С той поры с его именем на устах шли в бой солдаты и моряки республики, а венецианские знамена и бастионы, юты и носы кораблей украшал его лев с распростертыми крыльями и лапой, гордо указующей на ангельские слова.

Во всей истории (если, конечно, не принимать в расчет события, связанные с Воскресением Христа) не найдется другого примера столь беззастенчивого похищения мощей, имевшего при этом столь значительные последствия. Но так или иначе, завладев мощами евангелиста, венецианцы мгновенно признали его своим и приняли куда более тепло и чистосердечно, чем любых других святых. В последующие годы они не раз испытывали терпение своего небесного хранителя и заставляли его трудиться на пределе сил, но никогда не отворачивались от него и не обделяли его любовью и поклонением.

И он, со своей стороны, служил им на славу.

Всего через четыре года, в 832-м, была официально освящена первая церковь Святого Марка – не такая большая и величественная, как та, которая сейчас стоит на том же месте, но, по меркам своего времени, достойная евангелиста²⁶. К тому времени Джустиниано уже три года как лежал в могиле, а Венецией правил его младший брат Джованни, которого предшествующий дож всегда презирал – и, насколько можно судить по дошедшим до нас скудным свидетельствам, не без причины. Если бы новому дожу в свое время не довелось побыть соправителем отца, его бы, скорее всего, не избрали вовсе; но так или иначе, долго терпеть его лень и апатию подданные не стали. 29 июня 836 г., в день святых Петра и Павла, дож отправился на мессу в Сан-Пьетро ди Кастелло; на выходе из собора венецианцы схватили его и принудили отречься. Он был насильственно пострижен в монахи и окончил свои дни в монастыре в Градо.

Одна из главных причин для недовольства состояла в том, что Джованни Партичипацио ничего не делал для предотвращения новой нешуточной опасности, нависшей над республикой. Вот уже не первый год торговля на Адриатике страдала от славянских пиратов, которые устраивали засады у побережья Далмации, близ устьев Наренты²⁷ и Цетины, и нападали на проходившие мимо торговые суда. Поначалу пиратам все сходило с рук, и численность их стремительно росла; дошло до того, что многие капитаны перестали выходить в море и венецианская торговля начала медленно умирать от удущья. Страдала не только Венеция: разгул пиратства сказывался на всей Западной империи, потому что поддерживать морские коммуникации с Равенной, Падуей и другими имперскими городами Италии становилось все труднее.

Таким образом, решительные меры по борьбе с пиратами должны были стать приоритетной задачей для любого очередного правителя. Пьетро Традониго из Езоло, бывший член строительной комиссии, избранный одиннадцатым дожем Венеции, принял эту ответственность на себя. За первые три года правления он снарядил и возглавил относительно успешную морскую экспедицию к берегам Далмации, а в 840 г., воодушевленный этим успехом, отправил посла ко двору императора Лотаря, внука Карла Великого, чтобы заключить с ним новый договор. В основном этот договор сводился к подтверждению предыдущих соглашений, но два связанных с ним обстоятельства стоит упомянуть особо. Во-первых, это старейший дипломатический документ Венеции, сохранившийся до наших дней в оригинале. Во-вторых, в него входит пункт, согласно которому венецианский дож брал на себя обязательства по защите Адриа-

по отношению ко всем прочим святыням на территории республики. «Во всей Европе не найти другого такого города, в котором центральное место не отводилось бы собору. Но в Венеции главной церковью стала часовня, пристроенная к дворцу ее правителя и прозванная Чьеза Дукале [Церковь дожей]. Патриарший собор же, производящий жалкое впечатление и размерами, и убранством, стоит на самом дальнем островке венецианского архипелага, и большинство путешественников, торопящихся осмотреть город, даже не имеют понятия, как этот собор называется и где он находится» (*Рёскин*. Камни Венеции, I.9).

²⁶ Обычно ее называют базиликой, но в действительности эта первая церковь, как ее преемницы, не имела никакого отношения к базиликальному типу. Она почти наверняка строилась по образцу константинопольской церкви Святых Апостолов (от которой в наши дни не осталось даже руин) и, по обычаю апостольских церквей, была крестообразной в плане.

²⁷ Эта река ныне известна под славянским названием Неретва.

тики от славян и прочих потенциальных неприятелей, что подразумевало косвенное признание Лотаря в собственной слабости на море и, соответственно, закрепляло за Венецией власть над Центральным Средиземноморьем.

Приблизительно в это же время у империи появился еще один, и даже более серьезный повод для беспокойства. В 827 г. византийский наместник на Сицилии Евфимий, заключивший противозаконный брак с местной монахиней, поднял мятеж, чтобы избежать последствий своего проступка, и обратился за помощью к Аглабидам – правителям североафриканских сарацин. Те только этого и ждали. Высадившись с большим войском на северо-западном побережье Сицилии, они быстро избавились от Евфимия и, даже не довершив завоевание острова, использовали его как отправную точку для нападения на византийскую провинцию Апулия. Тамошние греческие гарнизоны в Бари, Бриндизи и Отранто оказались так же беспомощны перед лицом этого нового врага, как в свое время франки – перед лицом далматов. За последние тридцать лет константинопольские императоры привыкли полагаться на дружбу с Венецией, с каждым годом наращивавшей морскую мощь, и забыли о необходимости развивать собственные базы на Адриатике. Даже такие некогда грозные крепости, как Дураццо и Кефалония, защищавшие восточное побережье, больше не могли перейти от обороны к наступательным действиям сколько-либо заметного масштаба. Поэтому не стоит удивляться, что около 840 г. (примерно тогда же, когда полномочные представители Венеции подписывали договор с Лотарем) патриарх Константинопольский прибыл на Риальто собственной персоной – присвоить дожу почетный титул спафария и попросить его о помощи в борьбе с сарацинами.

Традонико не заставил просить себя дважды. Он понимал, что сарацины в отдаленной перспективе представляют гораздо более страшную угрозу, чем все славянские корсары вместе взятые, и помешать им укрепиться на Адриатике важно не только для Константинополя, но и для самой Венеции. Венецианцы быстро снарядили флот, и уже в начале 841 г. шестьдесят отборных кораблей, несших по две сотни человек на борту, покинули лагуну и направились к оговоренному месту соединения с византийской эскадрой. Далее объединенный флот двинулся на юго-запад и, наконец, встретился с сарацинами близ Кротоны – небольшого порта на побережье Калабрии.

Действительно ли византийский адмирал обратился в бегство при первых признаках опасности (как потом с негодованием заявляли венецианцы), или причина заключалась в чем-то другом, мы никогда не узнаем; но так или иначе, христиане потерпели сокрушительное поражение. Краса и гордость венецианского флота пошла на дно; сухопутные силы, еще до морского сражения высадившиеся близ Таранто, были уничтожены. После этого сарацинский флот без помех прошел через всю Адриатику, разграбил Анкону и только у самого края Венецианской лагуны вынужден был повернуть обратно – из страха перед отмелями и коварными течениями в устье реки По.

Венецию снова спасли преимущества ее географического положения, но на сей раз поводов для радости не было. Море, которое она – с согласия двух великих империй – объявила своей вотчиной, на поверку оказалось ей неподвластно. Уже на следующий год сарацины продвинулись еще дальше вдоль побережья, а венецианцы по-прежнему не могли ничего противопоставить их наступлению. Между тем нарентийские пираты осмелели и вошли в раж, сообразив, что венецианцы не так страшны, как казалось. В дальнейшем эти два бича терзали Адриатику не один десяток лет, прежде чем для венецианских и имперских кораблей снова открылись безопасные пути.

Как и следовало ожидать, после столь позорного разгрома отношения Венеции с Византией резко ухудшились. Старые связи все еще сохранялись, но с каждым годом становились все ненадежнее. Зато дружба с Западной империей – после того, как политическая и религиозная автономия Венеции была зафиксирована в договоре, – только расцвела и окрепла. В 856 г. сын и наследник Лотаря, молодой император Людовик II, даже посетил Венецию с государственным

визитом; вместе с ним прибыла и его супруга. Дож Венеции и его сын Джованни (которого он, само собой, сделал соправителем) встретили августейшую чету в Брондоло, к югу от Кьоджи; оттуда гостей торжественно препроводили на Риальто, где они провели три дня. Император оказал Джованни высокую честь, став крестным отцом его новорожденной дочери.

Внутренних проблем дожу Пьетро тоже хватало. Прошло уже почти полвека с тех пор, как местом для столицы выбрали архипелаг Риальто, и после всех минувших событий нечего было и надеяться, что он сохранит былую независимость от междоусобиц и фракционной борьбы (хотя именно эта независимость в свое время и обеспечила ему столичный статус). Несмотря на все сложности, с которыми Венеция столкнулась на Адриатике, она уже превратилась в ведущий коммерческий и финансовый центр христианского Средиземноморья. Торговля расширялась во всех направлениях; преимущество получал тот, кто успевал первым; и в этой атмосфере безжалостной конкуренции неизбежно возникали новые конфликты и поводы для зависти и отмищения. Вдобавок многие новоприбывшие поселенцы приносили с собой и старую вражду. Пьетро продержался у власти 28 лет, дольше, чем кто-либо из предыдущих дожей, и большую часть этого времени ухитрился сохранять мир и спокойствие в столице. Только после смерти Джованни (одного из немногих соправителей, действовавших достойно на своем посту) он обнаружил, что не в силах больше поддерживать равновесие между фракциями. То ли он прибегнул к репрессиям, с которыми его подданные не могли смириться, то ли отнесся чересчур благосклонно к одной из групп, тем самым восстановив против себя другую, но так или иначе, в среде горожан сложился заговор, и 13 сентября 864 г. мятежники нанесли удар. Произошло это в канун Крестовоздвижения – праздника, на который дож по традиции посещал мессу в церкви Сан-Заккариа. Когда почтенный старец (а ему, вероятно, было уже под восемьдесят, потому что на государственной службе он провел пятьдесят с лишним лет) выходил из церкви после вечерней службы, на него напал вооруженный отряд. Мертвого дожа бросили на площади, а стычка между его свитой и нападавшими переросла в настоящий бунт. Монахини из монастыря при церкви не сразу решились выйти на улицу: лишь глубокой ночью они наконец рискнули забрать тело дожа, чтобы подготовить его к достойному погребению.

Между тем слуги покойного Пьетро (по всей вероятности, телохранители, набранные из числа хорватских рабов) поспешили вернуться во дворец. Забаррикадовавшись там, они успешно держали оборону несколько дней, пока по всей столице шли уличные бои. Наконец пятеро главных заговорщиков погибли от рук разъяренной толпы, и только тогда в городе восстановилось относительное спокойствие. Новым дожем был избран некий Орсо, знатный гражданин, главным достоинством которого на тот момент казалось неучастие в заговоре.

Предание, не подкрепленное убедительными историческими свидетельствами, гласит, что новый дож принадлежал к семейству Партичипацио. Трое из четырех его предшественников носили эту фамилию, а четвертый был тесно связан с ней через брак. Таким образом, если легенда не лжет, на очередных выборах был сделан еще шаг к формированию династической преемственности. Но даже если Орсо и впрямь состоял в родстве с Партичипацио, поддерживать прежний порядок он не собирался. Сразу после избрания он приступил к радикальным реформам, первой целью которых стали собственные полномочия.

Теоретически Венеция оставалась демократической республикой с тех самых пор, как отстояла свою независимость. Выбирали не только дожа, но и двух трибунов, официальная функция которых заключалась в том, чтобы не позволять дожу злоупотреблять властью. Более того, в системе правления предусматривалось место для так называемого *аренго* – большого собрания граждан, на котором всеобщим голосованием принимались важнейшие решения, касавшиеся безопасности государства. Но любые демократические институты сами по себе нестабильны: для нормальной работы они нуждаются в постоянной поддержке. С годами венецианские трибуны утратили былое значение, аренго не созывалось никогда, и вся власть сосредоточилась в руках тех немногих, кому посчастливилось войти в число приближенных очеред-

ного дожа. Чтобы изменить такое положение дел, Орсо учредил систему гиудичи – выборных судей. Эти высокопоставленные чиновники представляли собой нечто среднее между министрами и членами городского совета. Они образовали ядро будущей дожеской курии и обеспечили эффективный противовес любому возможному произволу со стороны верховного правителя. В то же время были произведены изменения в структуре местного самоуправления, поставившие остальные острова в более тесную зависимость от центральной администрации.

Реорганизовав государственную машину, Орсо переключил внимание на церковные дела. Здесь он взял противоположный курс, а именно на децентрализацию. К тому времени несколько старых епархий, действовавших на островах лагуны и в ее окрестностях, были расформированы или возвращены в города, покинутые когда-то из страха перед варварами. Сохранились только Градо, Альтино и Оливоло, к которым недавно добавилась новая епархия – Эквило. В результате многие приграничные территории попали под влияние патриарха Аквилеи или других столь же нежелательных (с точки зрения церковной автономии) высокопоставленных клириков, принадлежавших к Западной империи. Для борьбы с этой тенденцией было создано несколько новых епархий – в Каорле, Маламокко, Читтанове (бывшей Эраклее) и Торчелло, где до тех пор находилась лишь временная резиденция епископа Альтино. Ни новые, ни старые епископы никоим образом не подчинялись светским властям республики – но сама их независимость способствовала лояльности. Уже через несколько лет все новые епископы единогласно поддерживали дожа в одном из его периодических конфликтов с патриархом Градо и за один год отклонили три приглашения от самого папы римского, который призывал их предстать перед синодом в Риме для разрешения спора.

Другие разногласия, на сей раз с патриархом Аквилеи, уладились еще удачнее. Этот нечистый на руку князь церкви каким-то образом захватил светскую власть над большей частью герцогства Фриули и развернул оттуда вооруженную кампанию против венецианских купцов – надо полагать, в контексте спора по поводу новых епархий. Орсо в ответ прибегнул к экономической блокаде. Устья всех рек, протекающих через земли Аквилеи, были перекрыты, всякий ввоз и вывоз товаров запрещен. Патриарх очень скоро сдался, и следует отметить, что в последовавшем договоре он по собственной инициативе освободил личных представителей Орсо от всех налогов на торговлю в пределах Аквилеи, несмотря на то что Орсо был готов признать за аквилейскими властями право на честную долю от всех коммерческих сделок. В этой истории наглядно виден типично венецианский подход: пусть государство и стоит на первом месте, но разумная забота о собственной выгоде всегда дышит ему в затылок.

Конституционные реформы Орсо при всем их небывалом размахе не коснулись проблемы кумовства. Как и большинство предшественников, он назначил сына своим соправителем, и после смерти Орсо, скончавшегося в 881 г., этот сын, Джованни, беспрепятственно наследовал отцу. Однако и сам он был уже немолод и слаб здоровьем; несколько лет он безуспешно пытался справиться с бременем власти, но в конце концов признал себя непригодным для столь высокой должности. Подданные возражать не стали. В полном соответствии с законом и в то же время проявив неслыханную в истории республики решимость, они потребовали от него не отречься (так как, по-видимому, искренне его любили), но назначить соправителем 45-летнего Пьетро Кандиано.

Увы, всего через пять месяцев, 18 сентября 887 г., Пьетро был убит в морской экспедиции против далматинских пиратов, став первым дожем, отдавшим жизнь в боях за республику. Старик Джованни снова принял бразды правления, как ему это ни претило, но вскоре нашелся новый подходящий кандидат в соправители – Пьетро Трибуно, внучатый племянник того злополучного дожа Традониго, убийство которого четвертью века ранее повергло весь город в хаос.

Правление Пьетро Кандиано было недолгим и агрессивным – и кончилось плохо (по крайней мере, для самого дожа). Зато Пьетро Трибуно предстояло властвовать долго и в основ-

ном мирно, за единственным исключением, когда Венеция одержала самый блестящий со времен победы над Пипином военный триумф. Трибуно начал с обновления договора с Западной империей, подтвердив действующие соглашения сначала в 888 г. (в год своего вступления в должность), а затем еще раз, в 891-м. Поскольку сравнительно недавно, в 883 г., Джованни Партичипацио вел с императором Карлом Толстым переговоры о продлении тех же соглашений, можно задаться вопросом, зачем им потребовалось развивать такую дипломатическую активность. Но на этом ключевом этапе своего политического развития Венеция все еще лавировала между водоворотами двух империй, прокладывая путь с величайшей осторожностью и деликатностью. Для нее и впрямь было жизненно важно при всякой возможности сверяться с компасом и картой и корректировать курс. И почти всякий раз при этом республике удавалось хоть немного да улучшить свои позиции. Так, например, несколькими годами ранее в договор был вписан новый пункт, касавшийся виновных в убийстве дожа: если убийца будет искать убежища на землях империи, его надлежит изгнать, предварительно оштрафовав на 100 фунтов золотом (что, учитывая обстоятельства, было еще довольно щадящим приговором). В 888 г. этот пункт был существенно расширен: отныне любой венецианец, оказавшийся на имперских землях Италии, оставался под юрисдикцией дожа и обязан был подчиняться не имперским, а венецианским законам. Это нововведение было направлено не только против преступников (в конце концов, экстрадиция своего рода допускалась еще во времена Лотаря). Скорее оно было призвано гарантировать венецианским торговцам защиту со стороны знакомого закона и в других городах Италии – и тем самым поощрять их к расширению торговых связей.

Благодаря расширению торговли экономика устойчиво развивалась и кораблестроение шло полным ходом; быстро росло и новое чугунолитейное производство²⁸, а облик города становился все прекраснее и величественнее по мере того, как набирали размах очистительные, дренажные, восстановительные и строительные работы. В целом последнее десятилетие IX в. стало для венецианцев одним из самых счастливых и благополучных периодов за всю историю. Но затем, в 899 г., грянул гром: на горизонте появился новый враг. То, что многие к тому времени уже уверились, будто эпоха варварских нашествий отошла в прошлое, вполне понятно и простительно; но венгры наглядно показали, что это не так. Они перевалили через Карпаты всего три года назад (выйдя, подобно многим своим предшественникам, из степей Центральной Азии) и до сих пор не встретили никого, кто мог бы остановить разгул их зверства и дикости. Потрясенные хронисты того времени даже вменяли им в вину людоедство – и, возможно, не всегда были так уж далеки от истины. Еще в 898 г. эти новые варвары совершили набег на Венето, но вскоре отступили, не причинив большого вреда. Однако уже на следующий год они, собравшись с силами, вернулись, опустошили Ломбардскую равнину и двинулись на Венецию.

Под натиском венгерских орд один за другим пали прибрежные города лагуны: сначала Читтанова, Фине и Эквило, затем Альтино, а за ним – Тревизо и Падуя, расположенные дальше от моря (к северу и западу соответственно). Затем венгры повернули на юг и вдоль линии песчаных отмелей-лиди прошли от Кьоджи и Пеллестрины до Маламокко. Вплоть до Альбиолы захватчики продвигались почти беспрепятственно, и только здесь – почти на том же месте, где лет девяносто назад был посрамлен император Пипин, – их встретила армия во главе с Пьетро Трибуно. Выходцы из континентальной Азии, венгры не знали и не понимали моря; легкие переносные лодки, на которых они переправлялись через реки, были бесполезны против венецианских кораблей. Защитники лагуны одержали быструю и окончательную победу, а лагуна в очередной раз защитила и спасла город.

Но было ли достаточно одной лишь лагуны? Пьетро Трибуно так не считал. Какой-нибудь будущий агрессор, более дисциплинированный и опытный в мореходстве, мог бы преуспеть

²⁸ В 864 г., сразу по вступлении в должность, Орсо Партичипацио отправил византийскому императору Василию I набор из двенадцати колоколов, отлитых в венецианской литейной.

там, где потерпели поражение венгры. А стоило неприятелю прорваться за линию лиди, как захватить острова Риальто не составило бы труда. Поэтому дож распорядился построить крепостную стену от замка на восточной оконечности Оливоло до того места, где сейчас начинается набережная Рива-дельи-Скьявони и далее вдоль побережья, до церкви Санта-Мария-Дзобениго. Кроме того, он приказал выковать огромную железную цепь, которую можно при необходимости протянуть через Гранд-канал – от церкви Сан-Грегорио на острове Дорсодуро до противоположного берега²⁹.

Хронист Иоанн Диакон спустя сто лет назвал строительство этих укреплений поворотной точкой, после которой поселение на Риальто превратилось, по его выражению, в *civitas*. Это непере译имый термин. Город в нашем понимании, пусть и очень маленький, существовал здесь со времен дожа Аньелло и переноса центрального правительства. Но стена Пьетро Трибуно и те обстоятельства, из-за которых в ней возникла нужда, породили новое чувство сплоченности и общности, которое в дальнейшем сослужило городу добрую службу; и остается только надеяться, что с полуразрушенными остатками этих древних укреплений, сохранившись на южной оконечности Рио-дель-Арсенале, городские власти будут и впредь обращаться со всем должным уважением.

---

²⁹ В точности на этом месте – через два дома к востоку от палаццо Контарини-Фазан (так называемого Дома Дездемоны) – сейчас стоит палаццо Гаджа, построенное в XVII в. Интересно, что церкви Санта-Мария-Дзобениго (дель Джильо) и Сан-Грегорио в то время уже были построены и служили приметными вехами в городском ландшафте. Церкви с такими названиями стоят на тех же местах и по сей день, хотя первоначальные здания не сохранились: первая (названная по фамилии своих основателей – семейства Джубанико) была перестроена в XVII в., вторая – в XV в. Одна из соседних улиц до сих пор носит название Калле-дель-Бастион – улица Крепостной Стены.

4

Авантюрист и святой (900–991)

*Государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться
быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости.*

Никколо Макиавелли. Государь, глава XV³⁰

Исполненная торжества после победы над венграми, воодушевленная новым чувством патриотической гордости и защищенная стремительно растущей крепостной стеной, Венеция вступила в X в. с верой в себя и надеждой на лучшее. Ее враги были повержены, обе империи взирали на нее с благодарностью и восхищением, торговля достигла небывалого расцвета. Будущее и впрямь казалось радужным. Пьетро Трибуно мудро и справедливо правил республикой до самой своей смерти. Умер он в 912 г. и был похоронен в церкви Сан-Заккариа: его преемник, еще один Орсо Партичипацио, с тем же успехом проводил ту же мирную политику еще двадцать лет, пока не удалился (по доброй воле) в монастырь Сан-Феличе. После этого, в 932 г., начался 44-летний период господства одной из самых выдающихся фамилий, оставивших след в ранней истории республики, – семейства Кандиано.

Первый дож из рода Кандиано уже промелькнул на страницах этой книги, правда, слишком быстро, потому что правление его оказалось недолгим: в 877 г. он погиб в сражении с далматинскими пиратами. Место дожа занял его сын, а за ним – после краткого и ничем не примечательного перерыва в 939 г. – его внук и правнук. Все четверо, к вящей досаде историков, носили имя Пьетро; все четверо от природы были энергичнее, агрессивнее и самоувереннее большинства своих современников. Все отличались надменностью и упрямством; один оказался ходячим бедствием для своего народа; ни одного из них не повернется язык назвать скучным. Второй из дождей этого имени, едва вступив в должность, развязал жестокую экономическую войну против Истрии, а вскоре, после какого-то пустячного дипломатического инцидента, сжег дотла город Комаччо – соседа и потенциального соперника Венеции. Третий Пьетро Кандиано дважды выступал против нарентийских пиратов, убивших его деда, и в итоге поставил их на колени. За внуком настал черед правнука, но безумную и почти невероятную карьеру Пьетро Кандиано IV невозможно обрисовать в нескольких словах. Она заслуживает гораздо более подробного рассказа.

Его отец, избранный дожем в 942 г. и всего четыре года спустя разделивший должность с молодым Пьетро-сыном, наверняка сожалел об этом решении до конца своих дней. С самого начала юноша выказал мятежный нрав. Был ли он, как предполагают некоторые, развращенным и беспутным по характеру, или, что кажется более вероятным, разногласия между отцом и сыном имели политическую подоплеку, не вполне ясно. Так или иначе, отношения между ними и поддерживающими их фракциями стремительно испортились, и вскоре дело дошло до открытых столкновений на улицах города. Наконец младший Пьетро был схвачен и чудом избежал казни: только заступничество отца побудило суд заменить смертный приговор пожизненным изгнанием. Пьетро-сын стал наемником и завербовался на службу к Беренгару, маркграфу Иврейскому, в 950 г. ставшему королем Италии. Но в сердце младшего Кандиано кипела жажда мести. Через несколько лет он возглавил пиратскую эскадру и захватил семь венецианских галер, перекрыв устье реки По.

---

³⁰ Перевод М. Юсима.

Во все времена Венецианская республика страдала от пиратов больше многих других государств. Поэтому неудивительно, что в устах венецианца слово «пират» было настоящим клеймом. Старый дож нес этот позор за сына, насколько ему хватало сил, но ужасная эпидемия, поразившая город в 959 г., сломила его дух, а вскоре и свела его самого в могилу. А затем произошло нечто невероятное. Народ избрал его преемником Пьетро-младшего.

Если даже причины, по которым он был в свое время изгнан, с трудом поддаются анализу, то этот неожиданный поворот и вовсе выходит за пределы разумного. Но самое простое из возможных объяснений заключается в том, что политический маятник внезапно качнулся в обратную сторону и вынес на вершину молодого, целеустремленного и, надо полагать, привлекательного лидера, который умел вести за собой людей и вдобавок принадлежал к семейству Кандиано. Кроме того, имелись и практические соображения (а венецианцы всегда были чрезвычайно расчетливы): как показал прошлый опыт, Пьетро был опасен в качестве врага, так что лучше было держать его на своей стороне. Так или иначе, жребий был брошен, и из Равенны за новым дожем отправили триста кораблей, чтобы доставить его в лагуну со всем подобающим почетом.

На проверку тот день оказался черным для Венеции. Смерть старого дожа положила конец личной вражде между отцом и сыном, но Пьетро Кандиано IV этим не удовольствовался. Он решительно и последовательно выступал против всех принципов, которых придерживался его отец, – против старинных и суровых республиканских добродетелей, на которых зиждилось и развивалось Венецианское государство; против высоких нравственных стандартов, которых (хотя бы теоретически) полагалось придерживаться его правителям; против неприязни к излишней напыщенности и всем проявлениям личного тщеславия. Пьетро пожил при европейских дворах, где царила атмосфера утонченного великолепия, и приобрел вкус к роскоши, а заодно и к самовластию, не скованному той выверенной системой сдержек и противовесов, которая в последние десятилетия все чаще ограничивала венецианских дождей в поступках и решениях. Но при этом он был напрочь лишен тонкости ума, которая позволяла обходить подобные ограничения незаметно. Охотно подчиняясь законам республики в той мере, в какой это помогало завоевать народную поддержку, в остальном он шел на поводу у своего ненасытного честолюбия и стремился раздавить любую оппозицию грубой силой. В Венеции такой человек по определению не смог бы долго продержаться у власти.

При этом следует признать, что в начале своего правления Пьетро IV совершил кое-что полезное. За первый год пребывания в должности он наложил новые и весьма серьезные ограничения на работорговлю, грозившие нарушителям суровыми карами – физическими, финансовыми и даже духовными. До полного запрета дело не дошло: в ситуациях, когда это было необходимо «для государственных нужд», продавать и покупать рабов дозволялось. Однако Пьетро не без оснований опасался, что строгость новых законов вызовет возмущение среди венецианских работорговцев, а потому решил разделить ответственность: помимо него самого, постановление подписали патриарх, епископы и знатные люди города. Судя по всему, это создало прецедент: в дальнейшем к методу коллективной ответственности за те или иные неудобные решения прибегали все чаще и чаще.

Однако на этом Пьетро исчерпал запасы благоразумия. Еще в годы изгнания он положил глаз на сестру маркиза Тосканского Вальдраду, которая была одной из самых богатых и могущественных итальянских аристократок своего времени. И вот наконец время пришло: Пьетро развелся со своей венецианской женой, сослал ее в монастырь Сан-Заккариа и вступил в брак с Вальдрадой. Та принесла ему огромное приданое: обширные земли во Фриули, Тревизанской марке, Адрии и Феррари. Следует понимать, однако, что все эти территории вовсе не перешли под власть республики: они стали только личной собственностью Пьетро. Народный избранник превратился в могущественного феодала, владельца огромных поместий на материке, находившихся в вассальной зависимости от императора Запада (прощай, завоеванная с

такими трудами автономия!). Пьетро погряз в роскоши, словно какой-нибудь избалованный византийский царевич, и отгородился от своих подданных личной гвардией, состоявшей из чужеземцев-наемников, которых набирали в материковых владениях дожа.

Как будто этого мало, Пьетро продолжал испытывать терпение народа: в 969 г. он передал патриархат Градо своему сыну Витале (которого еще давно, сразу по вступлении в должность, сделал епископом Торчелло – приказав ослепить и бросить в темницу кандидата-соперника). На протяжении последнего столетия патриархат неуклонно богател и набирал влияние, и в результате его новоиспеченный глава оказался вторым после отца не только в государственной иерархии, но и в перечне землевладельцев: под его руку отошло почти все побережье и территория между Градо и Венецианской лагуной. По этим землям Витале путешествовал с истинно княжеской пышностью, в сопровождении огромной свиты; местные жители выходили воздать ему почести, а монастыри, в которых он останавливался на пути своего следования, соперничали между собой, пытаясь превзойти друг друга в гостеприимстве.

Сосредоточив в своих руках обе ветви власти, светскую и церковную, Пьетро Кандиано IV почувствовал себя всемогущим. К сожалению, как и многие другие представители этой – в других отношениях весьма одаренной – семьи, он ни в чем не знал удержу и не понимал, когда следует остановиться. Летом 976 г. он воззвал к своим венецианским подданным с просьбой встать на защиту его личных интересов в Ферраре, и тут народное терпение лопнуло. Граждане взбунтовались. Первая атака на дворец дожа не увенчалась успехом: здание было слишком хорошо укреплено, и нападающим пришлось отступить. Но это их только раззадорило, и вскоре они нашли выход из положения. Вместо того чтобы штурмовать неприступную крепость, бунтовщики принялись поджигать окрестные дома. В летнюю жару деревянные постройки вспыхивали, как спички, и вскоре пламя перекинулось на дожеский дворец.

О дальнейшем ходе восстания повествует хроника Иоанна Диакона – надежного летописца и даже, возможно, очевидца событий. Отчаявшись и уже задыхаясь в дыму пожара, дож со своей молодой женой и новорожденным ребенком попытался бежать через атриум Святого Марка, где им преградила дорогу группа аристократов. Напрасно Пьетро молил их о пощаде и клялся исполнить все, что они потребуют. «Ответствуя, что он есть муж препорочнейший [*sceleratissimus*] и достойный смерти, они возопили грозным голосом, что спасения ему не будет. И, тотчас окружив его, жестоко пронзили мечами; и бессмертная душа его, покинув темницу тела, отлетела искать обители блаженных». Зная Пьетро Кандиано IV, трудно поверить, чтобы эти поиски увенчались успехом.

Догарессе Вальдраде каким-то чудом удалось спастись, но ее ребенок был насажен на копье и разделил участь отца. Оба тела бросили в лодку и доставили на скотобойню, откуда их удалось выволить лишь благодаря вмешательству некоего Джованни Градениго, «мужа весьма набожного»: тот устроил дожу и его сыну негласные, но более пристойные похороны. К тому времени традиционным местом упокоения дождей стал монастырь Сан-Заккариа, но в этом случае использовать его было невозможно. Тела Пьетро и ребенка тайно доставили по воде в дальнее аббатство Сант-Иларио близ Фузины, а венецианцы наконец уgomонились и начали восстанавливать город, сильно пострадавший от пожара.

По всей Венеции сгорели или были серьезно повреждены около трехсот зданий, в том числе собор Святого Марка, Дворец дождей и только недавно построенная церковь Санта-Мария-Дзобениго. От старой церкви Сан-Теодоре, возведенной еще в те времена, когда из дерева строили даже церкви, не осталось горсти щепок. Венеция избавилась от ненавистного дожа, но за это ей пришлось дорого заплатить.

Пьетро Кандиано IV был сыном своей эпохи – эпохи, которая началась в 888 г. с окончательного раздела империи Карла Великого и стала свидетельницей неуклонного политического распада Италии. На севере, в Ломбардии, еще более полувека бесчинствовали венгры, отступившие от Венецианской лагуны, но ушедшие не слишком далеко. На юге Византийская

империя уже едва сдерживала, с одной стороны, ломбардских герцогов, стремившихся лишь к собственной славе, а с другой – морские города-республики Неаполь, Амальфи и Гаэту, верность которых неизменно принадлежала тем, кто сулил больше торговых выгод. А перед безобразиями, творившимися вокруг папского престола, меркли даже эти беспринципные искатели богатства и власти. Дочка Марозии, любовницы Иоанна X, удавила его в замке Святого Ангела, а на его место был посажен незаконнорожденный сын Марозии от одного из предыдущих пап. Иоанн XII был избран папой в возрасте 17 лет; по словам Гиббона, «мы с некоторым удивлением читаем... что Латеранский дворец [при Иоанне XII] был превращен в школу проституции и что вследствие того, что папа насиловал девушек и вдов, женщины стали воздерживаться от благочестивых странствований к гробнице св. Петра из опасения, что его преемник посягнет на их целомудрие»³¹.

Впрочем, тот же Иоанн XII, при котором папская порнократия достигла низшей точки нравственного упадка, послужил спасению Италии – пусть и по чистой случайности. В 962 г., столкнувшись с угрозой со стороны Беренгара II, короля Италии, подступившего к северным границам папских владений, он обратился за помощью к Оттону, герцогу Саксонскому, который только недавно очистил Ломбардскую равнину от венгров и стал самым могущественным правителем в Северной Италии. Оттон без промедления прибыл в Рим, где Иоанн – несомненно, памятуя о папе Льве и Карле Великом – вручил ему императорскую корону и тем самым подписал себе приговор. Иоанну прощали распутство, но не простили признаков неповиновения, которые он два года спустя выказал собственной венценосной крестуре. Император тотчас созвал синод и низложил Иоанна. Беренгар вскоре был побежден, а триумфом Оттона ознаменовалось возрождение Западной империи, которая – в той или иной форме – просуществовала практически непрерывно с тех самых пор и до походов Наполеона.

На положении дел в Южной Италии эти перемены почти не отразились. Порядок там восстановился лишь после Нормандского завоевания, спустя еще сто с лишним лет. Однако на Севере последовала общественная реакция в виде массового отвращения к распутству и вседозволенности, царившим на протяжении последнего полувека. Возможно, свою роль сыграло и понимание того, что вот-вот завершится первое тысячелетие от Рождества Христова и, как полагали многие, наступит конец света. Не исключено, что эти настроения повлияли и на решение венецианцев избавиться от Кандиано IV, и, что еще вероятнее, на выборы его преемника, прошедшие 12 августа 976 г. в кафедральном соборе Сан-Пьетро ди Кастелло.

В лице Пьетро Орсеоло I перед нами предстает единственный дож за всю историю Венеции (и, возможно, единственный за всю историю глава республиканского государства), которого после смерти причислили к лику святых. Насколько заслуженным в его случае был венец святого, остается под вопросом: в наши дни, пожалуй, не каждый одобрил бы его решение оставить жену, ребенка и бремя политических обязанностей и в возрасте пятидесяти лет удалиться на покой в монашескую келью. Но так или иначе, Пьетро Орсеоло с молодых ног был настоящим аскетом, а за те два года, которые продлилось его недолгое правление, показал себя мудрым и, самое главное, щедрым властителем. Республика досталась ему в прискорбном состоянии: Кандиано, этот любитель пышных церемоний, опустошил казну; догаресса Вальдрада, нашедшая пристанище при германском дворе императора, требовала вернуть свое огромное приданое, а между тем предстояло еще отстроить после пожара весь центр Венеции. Дворец дождей пострадал так сильно, что Орсеоло был вынужден перенести правительство в собственный частный дом, стоявший на набережной, на некотором удалении от обугленных руин палаццо. После этого он принялся за работу, стараясь как можно скорее снова поставить республику на ноги. Впервые в истории все венецианцы были обложены десятиной; Вальдраде вернули приданое (хотя, вообще-то, ей бы стоило радоваться, что она просто осталась в

³¹ Э. Гиббон. Указ. соч. Глава 49. – Прим. перев.

живых), а дож пожертвовал значительную часть своего личного состояния (которого, как нам сообщают, хватило, чтобы выплачивать строителям по 8000 дукатов ежегодно на протяжении восьмидесяти лет) на восстановление дворца и собора Святого Марка, а также на строительство новой больницы по другую сторону площади, примерно на том месте, которое сейчас занимают Национальная библиотека Марчиана и восточное крыло Новой прокурации³².

Слишком скоро, однако, на сцене появилась новая, несколько зловещая фигура, а именно некто Гварин, иначе известный как Варрен, – настоятель монастыря Сен-Мишель де Кукса, бенедиктинского аббатства близ Прадеса во Французских Пиренеях³³. В какой мере этого человека следует винить в последующих действиях дожа, остается неясным. Был ли он агентом императорского двора, откуда все еще не утолившая обид Вальдрада повела более активное дипломатическое наступление на Венецию при ревностной поддержке своего пасынка – Витале Кандиано, патриарха Градо? Или просто очередным благонамеренным средневековым клириком, которому идеальный мир виделся в образе гигантского монастыря, – одним из тех, кто всю свою жизнь донимал то одного, то другого общественного деятеля уговорами удалиться от мира? Впрочем, не исключено, что Варрен вообще не имел отношения к дальнейшим событиям. Петр Дамиани, этот суровейший из святых, объясняет произошедшее чувством вины, мучившим дожа: дескать, совесть Орсеоло была нечиста по причине соучастия в свержении его предшественника и разрушении дворца³⁴. При первом визите в Венецию, в 977 г., уговоры Варрена (если таковые вообще имели место) не принесли плодов; но годом позже аббат вернулся вновь – под предлогом паломничества в Иерусалим – и на сей раз преуспел. Год выдался трудным. Оппозиция, как внутренняя, так и внешняя, набирала силу, недовольство десятиной росло, а Пьетро по-прежнему жертвовал личные средства на благо республики, но, очевидно, уже убедился, что щедрость – не гарантия популярности. Можно предполагать, что он устал сопротивляться давлению, нараставшему со всех сторон. Предпочтя дальнейшей борьбе легкий выход, 1 сентября 978 г. он бежал из города. Под покровом ночи, в сопровождении своего зятя Джованни Морозини и некоего Градениго (по всей вероятности, того самого, который двумя годами ранее спас от надругательства тела Пьетро Кандиано и его сына), он переправился по воде в Сант-Иларио, где беглецов уже ожидали оседланные лошади. Накануне отъезда дож сбрил бороду, чтобы никто из случайных встречных его не узнал. Несколько недель спустя он благополучно добрался до аббатства Сен-Мишель, где и провел оставшиеся девять лет своей жизни. Там же долгое время хранились его останки, и только в 1732-м, через год после канонизации, по приказу Людовика XV они были возвращены в Венецию.

Правление преемника Орсеоло, слабого и, по всей видимости, тяжелобольного Витале Кандиано³⁵ стоит назвать скорее междуцарствием. Всего через четырнадцать месяцев он тоже удалился в монастырь, передав должность еще одному члену того же семейства. Трибуно Меммо, или Менио, не обладал никакими заметными достоинствами, кроме познаний в садоводстве. Он приходился зятем покойному Кандиано IV, что не помешало ему сразу после вступления в должность, в 979 г., объявить общую амнистию всем соучастникам убийства, бежавшим из города. Но если он надеялся таким образом восстановить мир и спокойствие в лагуне, то просчитался. Межфракционная борьба по-прежнему разрывала Венецию на части;

³² Тот алтарный образ, который спустя тысячу лет вдохновил Йейтса на строки о «чеканном злате и золотой эмали», Пьетро Орсеоло выписал из Константинополя в ходе работ по реконструкции собора Святого Марка. В последующие столетия образ был переделан и увеличен; ныне он известен как Пала д'Оро («золотой алтарь»).

³³ Во время Великой французской революции монастырь был расформирован и разрушен. Позже его восстановили цистерцианцы, но вернуть былое величие в полной мере не удалось. В музее Клоysterс (филиале Метрополитен-музея в Нью-Йорке) можно увидеть реконструкцию галереи Сен-Мишель де Кукса, в которую включены капители колонн, датируемые XII в.

³⁴ Житие святого Ромуальда, глава 5.

³⁵ Не следует путать этого Витале с его тезкой, патриархом Градо. Степень его родства с другими, более знаменитыми представителями рода Кандиано, не установлена.

две главные партии, сплотившиеся вокруг двух соперничающих семей, тянули республику каждая в свою сторону. Семейство Морозини ратовало за укрепление давних связей с Византией, а род Колоприни возлагал надежды на Западную империю, во главе которой теперь стоял новый император, молодой и полный сил.

Оттону II было всего восемнадцать, когда он сменил своего отца на троне в 973 г. Следующие семь лет он потратил на укрепление своих позиций к северу от Альп, а затем, в декабре 980 г., разгневанный и встревоженный набегами сицилийских мусульман на Апулию и Калабрию, двинул войска на юг, чтобы раз и навсегда очистить Италию от сарацинских захватчиков. То обстоятельство, что провинции, пострадавшие от набегов, формально принадлежали к Византийской империи, не слишком его беспокоило: жена Оттона, Феофано, приходилась сестрой двум византийским императорам-соправителям – Василию II и Константину VII, а те были слишком заняты внутренними проблемами, чтобы уделить должное внимание столь отдаленным и сравнительно неважным для них владениям. Поначалу кампания развивалась успешно, но летом 982 г., в ходе продвижения на юго-запад, в Калабрию, Оттон II потерпел сокрушительное поражение. Сарацины застали императорское войско врасплох близ Стило и истребили его поголовно. Самому Оттону удалось спастись только чудом: бросившись в море, он доплыл до проходившего мимо корабля и, к счастью, остался неузнанным. Позже, когда судно приблизилось к Россано, он снова прыгнул за борт и добрался до берега вплавь.

Дух его не был сломлен: уже в июне следующего года император созвал общий съезд своих вассалов в Вероне и начал подготовку к новой кампании, а заодно возобновил старый договор с Венецией, касавшийся торговли и обороны. По всей видимости, Оттон II сделал это без всякой задней мысли; но вскоре ко двору прибыла группа венецианцев во главе со Стефано Колоприни, который недавно убил одного из членов фракции Морозини на площади Сан-Пьетро-ди-Кастелло и бежал, спасая свою жизнь. Стефано обратился к Оттону с предложением: Венеция, сказал он, набирала силу, но все еще зависела от материка в отношении коммуникаций и снабжения. Если отсечь эти линии связи, можно будет поставить республику на колени в мгновение ока. Венецианцы будут вынуждены избрать Колоприни дожем, а тот передаст город под сюзеренитет императора. Тогда в распоряжении Оттона II окажется весь венецианский флот, который можно использовать в следующей кампании против сарацин.

Честолюбивый молодой император не мог устоять перед соблазном добавить столь яркий бриллиант в свою корону. Только что подтвержденный договор был забыт; Оттон II отдал приказ о немедленной блокаде Венеции. Герцог Каринтии, один из его вассалов, получил распоряжение закрыть для венецианских торговцев земли Вероны, Истрии и Фриули, а Колоприни и их приверженцы заняли стратегические точки вдоль всех дорог и рек. С наступлением зимы Венеция, все еще не оправившаяся после пожара семилетней давности, деморализованная междоусобной борьбой и с трудом терпевшая власть нерешительного и слабого дожа, вплотную столкнулась с двумя нешуточными угрозами: голодом и переходом под власть императора. В некотором смысле этот кризис был даже тяжелее, чем при столкновении с Пипином и, позднее, при нашествии венгров. В тех ситуациях республику, по крайней мере, защищали воды лагуны с их коварными отмелями и течениями, неизвестными никому, кроме местных моряков. Но на сей раз врагами оказались сами венецианцы, знавшие лагуну как свои пять пальцев. Кто мог ответить, сколько своих агентов и сторонников они оставили в городе? Охваченные паникой горожане разрушили дома, принадлежавшие семейству Колоприни, и захватили в заложники женщин и детей. Больше ничего поделать было нельзя: оставалось только ждать, когда противник перейдет в атаку.

Но нападения так и не случилось. Стефано Колоприни внезапно скончался, а в декабре того же 983 г., на двадцать девятом году жизни, сошел в могилу и сам император Оттон II, умерший от передозировки лекарства (4 драхмы алоэ), которое ему прописали от лихорадки. Его мать Аделаида, ставшая соправительницей при своем трехлетнем внуке, поначалу не соби-

ралась снимать блокаду, но влияние вдовы Оттона, Феофано, с которой она делила регентство, оказалось слишком сильным. Аделаида смогла добиться лишь амнистии, по которой Колоприни и остальным заговорщикам было разрешено вернуться в Венецию. Но лучше бы они этого не делали! Их старые враги, Морозини, не забывшие убитого родственника, поклялись отомстить и терпеливо дождались удобного случая. В 991 г. они напали на троих Колоприни, когда те садились в лодку близ заново отстроенного Дворца дожей, пронзили их мечами и бросили тела в воду.

Возлагать вину за эту очередную вспышку насилия на Трибуно Меммо, пожалуй, не вполне справедливо. Да, он состоял с Морозини в родстве через брак, а в 982 г., когда Джованни Морозини, устроивший своего беглого тестя в аббатстве Сен-Мишель де Кукса и сам постригшийся в монахи, вернулся в Венецию и стал искать землю для основания бенедиктинского монастыря, дож выделил ему островок прямо напротив дворца, в те времена называвшийся Островом кипарисов, а ныне известный как Сан-Джорджо-Маджоре. В этом смысле совершенно очевидно, на чьей стороне были его симпатии. Но по характеру Меммо был кроток и миролюбив, и увидеть, как через десять лет относительного спокойствия в городе снова вспыхнут междоусобицы, явно не входило в его планы. Тем не менее обвинили именно его. Не выдержав всеобщего осуждения и нападок, Меммо последовал примеру двух своих предшественников. Он тоже удалился в монастырь – а именно в монастырь Сан-Заккариа по соседству со своим бывшим дворцом – и окончил там свои дни в неизвестности, подобавшей ему куда более, чем мирская слава³⁶.

---

³⁶ Как ни странно, именно этот дож, который практически ничем не запомнился потомкам, был удостоен первого постоянного памятника, хотя случилось это лишь полтысячи лет спустя, в конце XVI в., когда Паладио перестроил монастырскую церковь Сан-Джорджо-Маджоре. Портретный бюст Меммо установили над символическим саркофагом в нише по левую сторону фасада – в знак признания того, что своим основанием монастырь был обязан не только Джованни Морозини, но и Трибуно Меммо.

5

Амбициозная династия (991 –1032)

*Над морем он простер державную порфиру:
Трезубец Посейдона – скипетр мира.*

Антуан Марен Лемьер

Десятый век начался для Венеции на победной ноте, с изгнания венгерских орд. Но дальнейшие события развивались далеко не так радостно, как можно было надеяться. На протяжении пятидесяти лет (исключая двухлетнее правление Пьетро Орсеоло I) судьба республики оставалась в руках семейства Кандиано, приведшего ее на грань катастрофы. Своим высокомерием и неумными амбициями (а в случае с последним дожем из этого клана, Трибуно Меммо, – полной профессиональной непригодностью и неспособностью на решительные поступки в кризисных ситуациях) они испортили отношения с Западной империей, не сделали практически ничего для укрепления выгодных связей с Византией и посеяли вражду и раздоры среди собственных подданных. К началу последнего десятилетия X в. Венеция прогнила до мозга костей. Ничего не подозревающий чужеземный гость, возможно, увидел бы лишь внешние признаки процветания: корабли в гавани, оживленную торговлю и изобилие товаров на прилавках Риальто – меха, шелка и пряности. Но республика больше не внушала соседям ни страха, ни уважения; репутация ее была подорвана, и венецианцы совсем пали духом. Они утратили ту национальную гордость, которая покоилась на осознании себя единственным и неповторимым народом, не таким, как другие, и наделенным особой судьбой, – гордость, которая придавала отвагу и чувство локтя отцам-основателям республики и поддерживала их преемников на пути к величию. Отчаявшаяся Венеция нуждалась в сильном правителе, который снова сплотил бы ее как нацию и вернул бы ей самоуважение и уверенность в себе.

Такой правитель нашелся. У Пьетро Орсеоло I, который тринадцатью годами ранее бежал от семьи и государственных обязанностей, остался юный сын, которого тоже звали Пьетро. В 991 г. венецианцы избрали дожем этого сына, которому тогда исполнилось тридцать лет. Это был идеальный выбор. Выдающийся политик, военачальник и дипломат, Пьетро Орсеоло II возвышается над остальными дожами той поры, как великан среди пигмеев. Подданные с самого начала признали его величие: стоило ему вступить в должность, как все междоусобицы, столько лет портившие атмосферу республики, внезапно прекратились. Такое впечатление, что венецианцы в одночасье повзрослели и превратились в ответственный и ода-ренный народ, готовый следовать за своим новым вождем по дороге славы.

Но залогом славы для Венеции всегда была торговля, так что новому дожу прежде всего предстояло восстановить дружественные и взаимовыгодные торговые связи с обеими империями. Не прошло и года, как он заключил с византийским императором Василием II Болгаробойцей договор на таких благоприятных условиях, о каких Венеции до сих пор не приходилось даже мечтать. Императорский хрисовул, датированный мартом 992 г., устанавливал для подлинных венецианских товаров (исключая те, что лишь доставлялись на венецианских судах из других мест производства) гораздо более низкие налоговые ставки, чем для всего прочего импорта. Не менее важно и то, что венецианские торговцы в Константинополе отныне переходили в непосредственное ведение великого логофета – высокопоставленного дворцового чиновника, сопоставимого по статусу и обязанностям с министром финансов. Это избавило их от проблем с византийской бюрократией, известной своим крючкотворством, и вдоба-

вок гарантировало возможность в крайних случаях донести прошение до самого императора. Взамен Венеция обязалась по первому требованию предоставлять свои корабли для перевозки имперских войск.

На переговорах с императором Запада новый дож добился не меньших, а возможно, и больших успехов: между двумя молодыми правителями быстро возникла взаимная приязнь и восхищение. Оттон III с детства был необыкновенным: не зря он получил прозвище Чудо Мира. Он родился в 980 г., унаследовал корону в три года и скоро утвердился в мыслях о своем великом предназначении. Традиционное для его династии честолюбие соединилось в нем с романтическим мистицизмом, унаследованным от матери-гречанки: Оттон мечтал превратить свою державу в великую теократию по образцу византийской, объединив германцев с итальянцами и славянами. Во главе этой священной империи стоял бы сам Господь Бог, а двумя его наместниками на земле выступали бы сам император и папа римский (именно в таком порядке). В погоне за этой мечтой Оттон III интересовался делами Италии даже больше, чем его отец. К дожу Венеции он проникся глубоким уважением, считая его самым способным правителем к западу от Константинополя, и эти чувства переросли в настоящее юношеское преклонение перед старшим кумиром. В 996 г., впервые посетив Италию для коронации в Риме, Оттон III наглядно доказал свою дружбу. Во-первых, он заставил двух упорствовавших епископов вернуть Венеции земли, которые те присвоили незаконно; во-вторых, дозволил венецианскому дожу основывать склады и фактории по берегам Пьяве и Силе, одновременно даровав всем венецианцам беспрепятственный проезд и свободу от налогов на имперских территориях. Наконец, самое главное: император пригласил третьего сына Орсеоло к себе в Верону, где выступил его посаженным отцом на конфирмации и нарек его Оттоном.

Итак, к концу пятого года своего правления Пьетро Орсеоло II обеспечил Венеции превосходные перспективы в торговле с двумя величайшими христианскими державами. Широкие реки Северной Италии заполнились венецианскими баржами, загруженными по самую ватерлинию железом и древесиной, зерном, вином, солью и – вопреки всему – рабами. Поднявшись вверх по течению до главных перевалочных пунктов в Вероне, Пьяченце или Павии, баржи поворачивали обратно, а товары отправлялись дальше по суше: через Апеннины – в Неаполь, Амальфи и соседние города или через Альпы – в Германию и Северную Европу. Другие, более массивные суда тем временем устремлялись на юго-восток через Адриатику, огибали Пелопоннес и поворачивали на север, к Константинополю, а иногда доходили и до Черного моря. Ряд торговцев сосредоточились на новом и очень быстро развивавшемся рынке – странах ислама. Торговлю с арабами вели и раньше (в конце концов, кто, как не венецианские купцы похитили мощи святого Марка из Александрии?), но дела всегда осложнялись такими факторами, как склонность сарацин к пиратству, память венецианцев о том, как полтора века назад мусульмане напали на лагуну и едва не одержали победу, и, наконец, типичное для западных христиан отвращение при одной только мысли о дружественных связях с иноверцами. Но Пьетро Орсеоло твердо решил наладить с мусульманским миром если не дружественные, то по крайней мере деловые связи. Он разослал послов по всем городам и странам Средиземноморья, над которыми реяло зеленое знамя пророка: в Испанию и Берберию, Сицилию и Левант, ко дворам Алеппо, Каира и Дамаска, в Кордову, Кайруан и Палермо. Один за другим местные эмиры встречали их благосклонно и принимали их предложения. Послы возвращались к дожу с подписанными договорами, гордые и довольные собой. Существовала опасность, что имперские соседи с Востока и Запада, вечно обеспокоенные ростом мусульманской угрозы в Южной Италии, ужаснутся его политике и объявят Пьетро предателем веры. Но для Пьетро, истинного венецианца, торговля всегда была желаннее кровопролития – и, уж конечно, во много раз выгоднее.

На пути торговой экспансии оставалось только одно препятствие – славянские пираты у берегов Далмации. Последний большой поход против них, во главе с Пьетро Кандиано I в

887 г., закончился катастрофой: сам дож погиб в сражении; и, хотя его внук лет через шестьдесят сумел отчасти восстановить честь семьи и республики, угроза не стала меньше. Об этом говорит хотя бы то, что всю вторую половину X в. Венеция платила ежегодную дань, чтобы обеспечить своим кораблям безопасный проход через узкие воды Адриатики. Но Пьетро Орсеоло был не из тех, кто поддавался шантажу. Вступив в должность, он запретил дальнейшую выплату дани и, когда подошло время очередного взноса, направил к берегам Далмации шесть галер для защиты от потенциальных актов возмездия. Как и следовало ожидать, завязалась битва, по итогам венецианцы взяли под контроль остров Лисса³⁷ – один из главных пиратских оплотов – и радостно возвратились в лагуну на своих кораблях, битком набитых пленниками обоих полов.

Венеция выиграла первый раунд, но пираты еще не сдались. Основные их базы близ устьев Наренты и Цетины нисколько не пострадали, и морские разбойники обрушили всю мощь своего гнева на незащищенное население прибрежных городов. С этнической и языковой точки зрения пираты не имели ничего общего со своими жертвами. Они принадлежали к славянскому народу хорватов, мигрировавшему на запад из Карпатских гор в VI–VII вв. (в рамках массового продвижения славян по Балканскому полуострову) и в X в. основавшему собственное королевство. Но это государство охватывало далеко не все побережье Далмации, на котором располагались еще и независимые города – Пола, Зара, Трау, Спалато³⁸ и многие другие, более мелкие поселения. Их обитатели, предки которых говорили на латыни и были гражданами Рима, взирали на хорватских соседей как на варваров-выскочек. Формально все эти города, кроме Зары, подчинялись Константинополю, но на практике это почти ни в чем не выражалось. По словам одного историка, «императора официально чествовали и уважали, но никто его не слушался, потому что он и не отдавал никаких приказов»³⁹. Прекрасно понимая, что от Византии помощи не дождешься, далматинские города воззвали о спасении к Венеции.

Тем самым они дали Орсеоло превосходный повод завершить начатое – если он вообще нуждался в каком-то поводе. 9 мая 1000 г., в день Вознесения, дож посетил мессу в соборе Сан-Пьетро ди Кастелло и принял из рук епископа Оливоло освященное знамя⁴⁰. Из собора он торжественно проследовал к гавани, где уже стоял наготове огромный венецианский флот. Поднявшись на борт флагманского корабля, дож распорядился поднять якоря. Ночь они пережидали в порту Езоло, а наутро следующего дня прибыли в Градо, где патриарх (все тот же наш старый знакомец, Витале Кандиано, за тридцать лет пребывания в этой должности явно утративший вкус к политическим интригам и превратившийся в верного слугу республики), встретил дожа со всеми подобающими почестями и вручил ему мощи святого Гермагора⁴¹. Наконец, 11 мая, изготавившись к предстоящей борьбе не только материально, но и духовно, Пьетро Орсеоло повел свои корабли через Адриатику.

В описании Иоанна Диакона путь этого флота вдоль побережья Далмации напоминает скорее триумфальное шествие, чем военную кампанию. Епископы, бароны и городские старейшины приветствовали венецианцев в каждом порту. В честь дожа устраивали общественные приемы; навстречу ему из церквей выносили святые реликвии; многие клялись дожу в вечной верности, а некоторые молодые люди по собственной инициативе вставали под венецианское

³⁷ Ныне остров Вис. Далматинские топонимы представляют некоторую проблему, потому что латинские и итальянские их варианты, употреблявшиеся историками того времени, не имеют почти или совсем ничего общего с современными славянскими названиями. В этой книге последовательно используются итальянские версии, но в примечаниях я всегда указываю современные славянские эквиваленты.

³⁸ Современные Пула, Задар, Трогир и Сплит.

³⁹ R. Cessi, *Cambridge Medieval History*. Vol. IV. Part I. P. 269.

⁴⁰ А.-Ф. Гфрёрер полагает, что на этом знамени – возможно, впервые в истории – была изображена знаменитая ныне эмблема Венеции: крылатый лев, держащий раскрытую книгу.

⁴¹ Друга и ученика святого Марка, который назначил его первым епископом Аквилеи. Позже, во времена Нерона, Гермагор был обезглавлен.

знамя, чтобы присоединиться к походу. В Трау брат хорватского короля добровольно объявил себя вассалом Венеции и предоставил своего малолетнего сына в качестве заложника (позднее тот вырос и женился на дочери дожа). Впервые дож встретился с противником лицом к лицу только в Спалато, куда прибыли для переговоров пиратские вожди из устья Наренты. Корсары были не в том положении, чтобы диктовать условия: в ответ на отступление венецианского флота они согласились отказаться от ежегодной дани и прекратить нападения на венецианские суда, следующие по своим делам через Адриатику.

Увы, нарентинцы не могли говорить от имени всех прибрежных островов. Курцола⁴² не проявила сговорчивости, и ее пришлось подчинить силой, а население Лагосты⁴³ надеялось на свою островную крепость, которая слыла неприступной, приготовилось оказать еще более серьезное сопротивление. Но венецианцы приняли вызов. Подступив к стенам крепости под градом камней, которыми осыпали их защитники, они вскоре пробили брешь в основании одной из башен – по счастливому стечению обстоятельств, именно той, в которой осажденные хранили запасы воды. После этого, как пишет Иоанн Диакон, который, по всей вероятности, присутствовал при этих событиях как друг и преданнейший слуга Орсеоло:

...неприятели, совершенно павши духом, сложили оружие и на коленях молили ни о чем ином, а лишь об избавлении от смерти, премного их страшившей. Посему дож, будучи человеком милосердным, решил пощадить их всех, настояв лишь на том, чтобы город их был разрушен... Архиепископ Рагузы со своим клиром приветствовал его, принес дожу присягу на верность и выказал ему множество знаков повиновения⁴⁴... Затем он проследовал еще раз через те же города, которые только что посетил, и с великим торжеством возвратился в Венецию.

Подданные встретили его всеобщим ликованием, что и неудивительно. Вопрос о том, как долго нарентинские пираты будут держать свое слово, оставался открытым, но, по крайней мере, они убедились, что с Венецией шутки плохи, а судьба Лагусты стала наглядным тому примером. Кроме того, республика утвердила свою власть над восточным побережьем Адриатики. Формально эти земли все еще не принадлежали Венеции; далматинские города и селения, принесшие дожу клятву верности и пообещавшие платить ежегодную подать⁴⁵, делали аккуратные оговорки, касавшиеся общего сюзеренитета Византии, а дож, со своей стороны, охотно его признавал. Но отныне во всех основных морских портах можно было открыть торговые склады и фактории, что сулило беспрепятственную торговую экспансию вглубь Балканского полуострова.

Стратегических выгод тоже было немало: Венеция обзавелась альтернативным источником провизии на случай нужды. Несмотря на то что острова Риальто еще не были застроены полностью, пахотной земли на них уже давно не хватало для обеспечения быстро растущего населения. В отношении поставок продовольствия Венеция зависела от материка: потому-то ей и пришлось так нелегко семнадцатью годами ранее, когда Оттон II перекрыл сухопутные и речные пути к лагуне. Но отныне и в обозримом будущем любая подобная блокада не доставила бы республике никаких серьезных неудобств. Теперь достаточно было отправить несколько кораблей через Адриатику – и в считанные дни они вернулись бы со всей провизией, какая

⁴² Корчула.

⁴³ Ластово.

⁴⁴ Справедливости ради стоит добавить, что некоторые историки Рагузы (современного Дубровника) горячо оспаривают это последнее утверждение.

⁴⁵ С острова Арбе (Раб) – десять фунтов шелка-сырца, из города Оссеро (Осор) на острове Црес – сорок кунных шкур, с острова Велья (Крк) – пятнадцать кунных и двадцать лисьих шкур, из Пола (Пулы) – 2000 фунтов масла для собора Святого Марка. Спалато (Сплит) пообещал отряжать две галеры и один барк на помощь венецианскому флоту всякий раз, как тот будет выходить в море.

только могла понадобиться городу. Наконец, сосновые леса на Курцоле и других островах обеспечили венецианским верфям практически неистошимый запас древесины для строительства новых кораблей.

К числу почетных званий дожа добавился сладкозвучный титул *Dux Dalmatiae*, а в память о столь удачном походе решили, что отныне каждый год в день Вознесения – годовщину отбытия флота к берегам Далмации – сам дож и епископ Оливоло в сопровождении благородных и простых горожан будут вновь выходить в открытое море из порта Лидо для богослужения и благодарственной молитвы. Служба в те времена была короткой, а молитва – простой, хотя и не сказать что скромной: «Даруй, о Боже, нам и всем, кто плавает в море, воды покойные и тихие во веки веков!» Затем дож и его свиту кропили святой водой, а хор между тем читал нараспев из 50-го псалма: «Окропи меня иссопом, и буду чист...»⁴⁶ – после чего остаток воды выплескивали в море. Позже эта традиция приобрела ореол почетной древности и усложнилась: в море стали бросать золотое кольцо как умиловительный дар. Этот обычай, в свою очередь, постепенно приобрел иной смысл: его стали трактовать как символическое бракосочетание с морем (*Sposalizio del Mar*) и в этом качестве соблюдали до последних дней республики⁴⁷.

Для Оттона III новое тысячелетие началось далеко не так благоприятно. Ведомый своими сумасбродными политико-мистическими мечтами, молодой император обосновался в Риме, где построил великолепный дворец на Авентинском холме. Там он вел необычную жизнь, в которой роскошь причудливо смешивалась с аскетизмом. Окружив себя двором, строго соблюдавшим пышный византийский церемониал, император вкушал пищу с золотой посуды и непременно в торжественном одиночестве. Но время от времени он менял свой пурпурный далматик на простой плащ пилигрима и босиком отправлялся в паломничество к какой-нибудь дальней святыне. При этом он по-прежнему восхищался Венецией (возможно, усматривая в ней единственный в Италии город, где западная практичность сливалась воедино с византийским мистицизмом) и, как всегда, надеялся сделать ее орудием своей итальянской политики.

Но его постигло разочарование. На предложение о совместной кампании в Северной Италии, которое привезли императорские послы, прибывшие на Риапьто вскоре после возвращения дожа из Далмации, Орсеоло ответил вежливым, но твердым отказом. Лучше, чем кто бы то ни было из его предшественников, он понимал, до какой степени благополучие Венеции зависит от моря. Никакие завоевания на материке не прибавили бы ничего к ее величию. Однако другое предложение, которое император передал через Иоанна Дякона примерно в то же время, наверняка заинтересовало дожа куда больше. Оттон III выражал желание тайно посетить Венецию и встретиться с Орсеоло, «дабы выслушать его мудрый совет и ради любви, которую он к нему питает».

Требование секретности трудно объяснить чем-либо иным, кроме страха перед покушением. Другие историки утверждали, что тайный характер визита связан с конфиденциальным содержанием тех вопросов, которые император желал обсудить, но публичное объявление о визите не помешало бы провести частную беседу любого рода, и к тому же через день-другой после отъезда Оттона III император и дож все равно собирались обнародовать сам факт состоявшейся встречи, если не ее подробности. Спору нет, в те времена, до эпохи Крестовых походов, императоры редко выезжали за пределы своих владений; но в данном случае поездка не была сопряжена ни с каким особым риском. Так или иначе, Оттон III непоколебимо стоял на своем, и приготовления (в которых Иоанн Дякон участвовал как тайный посланник дожа, курсируя между двумя правителями и проводя в разъездах большую часть года) затянулись и обросли многочисленными затруднениями, которых можно было бы избежать, объявив

⁴⁶ В древности из веточек иссопа делали кропила.

⁴⁷ См. главу 7.

о встрече открыто. А потом все стало еще сложнее, потому что в феврале 1001 г. римляне подняли восстание против императора и выгнали его из города.

Судя по всему, Оттона III это не слишком огорчило. Он отпраздновал Пасху в Равенне, где Иоанн Диакон обсудил с ним последние детали предстоящей поездки. После этого император сообщил двору, что отправляется на несколько дней на остров Помпоза⁴⁸ близ устья реки По – для поправки здоровья. В тамошнем аббатстве приготовились его принять, и император действительно прибыл, но всего через несколько часов тайно покинул обитель и направился на берег моря, где Иоанн уже дожидался его с лодкой. В сопровождении лишь нескольких доверенных спутников Оттон отбыл в Венецию. Некстати поднялся сильный шторм, но, проведя целые сутки в бурном море, император наконец высадился на островке Сан-Серволо⁴⁹. Там его и встретил дож Пьетро, а о последующих событиях нам поведал их очевидец – все тот же Иоанн Диакон. Ночь, сообщает он, была такая темная, что они едва друг друга разглядели. Разговор начал дож – пребывавший, похоже, не в самом радужном настроении. «Если желаете увидеть монастырь, – обратился он к смутной тени, маячившей перед ним в темноте, – то лучше поторопиться, чтобы еще до рассвета надежно укрыться за стенами моего дворца». Надо полагать, Оттон III и его друзья к тому времени совсем выбились из сил, но Пьетро был неумолим. Император сам настаивал на секретности; император втянул его в эту неудобную ситуацию, заставив действовать исподтишка; император вынудил его тащиться на этот забытый богом остров в холодную, штормовую ночь. Император заварил всю эту кашу – так пусть теперь сам и расхлебывает!

Ни в хронике Иоанна, ни в других источниках нет никаких указаний на то, что Оттон III так уж стремился увидеть монастырь Сан-Заккариа. Неясно даже, почему он так настойчиво требовал встречи с дожем. Но так или иначе, он повиновался. Орсеоло с ним не поехал, а направился во дворец, якобы для подготовки к приему императора, а на деле (как мы от всей души надеемся) – чтобы хоть немного отоспаться.

Та же атмосфера скрытности сохранялась на протяжении всего императорского визита. На следующее утро, после службы в полудостроенном соборе Святого Марка, дож оказал публичный прием спутникам Оттона III. Те вручили верительные грамоты как представители своего господина (который, по их словам, остался в Помпозе для поправки здоровья), а Пьетро Орсеоло приветствовал их от имени республики и приказал разместить со всеми удобствами, после чего тайно направился в дальнюю восточную башню дворца, где еще раньше расположил Оттона, при котором осталась лишь пара слуг. Трапезничать дожу приходилось на людях: по словам Иоанна, «провести с императором весь день он не мог, опасаясь возбудить подозрения у своих подданных». Даже если была лишь отговорка, она звучит правдоподобно, – а Оттон, переодевшись в простую одежду, смог между тем посетить другие церкви и памятники, к которым выказывал такой интерес.

Какие-то переговоры с дожем он, несомненно, провел, хотя их содержание так и осталось тайной. Правители обменялись дарами; дож преподнес императору трон из слоновой кости со скамеечкой для ног, а Оттон III освободил венецианцев от обязанности ежегодно присылать ему новую мантию (эта форма подати вкупе с ежегодной выплатой в размере 50 фунтов серебром действовала еще со времен его деда, Оттона I Великого) и скрепил дружбу с дожем, второй раз выступив крестным отцом его ребенка – на сей раз новорожденной дочери, которую император лично поднес к купели. Затем – по-видимому, не позднее чем через два дня после прибытия – он покинул Венецию так же скрытно, в сопровождении лишь Иоанна Диякона и двоих личных слуг. Остальные его спутники уехали открыто на следующий день.

⁴⁸ Там до сих пор сохранилась церковь древнего аббатства и многие другие монастырские постройки.

⁴⁹ В наши дни Сан-Серволо известен каждому венецианцу как место, где находится одна из двух главных психиатрических лечебниц города. Приют для «умалишенных из благородных семейств в уютной обстановке» открылся по решению Совета десяти в 1725 г.

Несмотря на все меры предосторожности, по возвращении в Равенну Оттон III тотчас объявил, где на самом деле был все это время. Примерно в то же время – очевидно, по предварительной договоренности с императором, – такое же публичное заявление в Венеции сделал дож, и, если верить Иоанну, народ принял это известие с восторгом. Почему – опять же не совсем ясно: венецианцы обожали пышные церемонии, а тайна, окутывавшая визит императора, лишила их возможности увидеть поистине великолепное торжество. Но надо полагать, что заявление Орсеоло подняло престиж республики (не говоря уже о личном престиже самого дожа) в глазах подданных: ведь император впервые в жизни выехал за пределы своих владений – и все ради того, чтобы увидеть Венецию, поклониться ее святыням, полюбоваться ее красотами и испытать из источника ее опыта и политической мудрости. Вероятно, гордость за родной город перевесила разочарование.

Так или иначе, Венеция извлекла из этого визита не в пример больше пользы, чем Оттон III. Он решил восстановить свои права в Риме и, вернувшись под его стены с армией, осадил город. Но прежде, чем из Германии успело подтянуться подкрепление, а из Византии – прибыть невеста, которой он дожидался так давно, императора сразила внезапная болезнь (вероятно, оспа), и 24 января 1002 г., на двадцать третьем году жизни, он скончался в замке Патерно, неподалеку от города Чивита-Кастеллана. Удивительно (и весьма удачно в сложившихся обстоятельствах), что он выразил желание быть погребенным не в Риме со своим отцом⁵⁰, а в Ахене, который когда-то был столицей империи Карла Великого. Туда и доставили его тело верные последователи, которым пришлось не без труда пробираться через враждебные территории; и там, на хорах собора, останки Оттона III покоятся по сей день.

Смерть Оттона III не изменила намерения Пьетро Орсеоло поддерживать крепкую дружбу с Западной империей. Месяц спустя, когда лангобарды подняли восстание и провозгласили королем Ардоина, маркграфа Иврейского, Пьетро без колебаний поддержал законного императора – Генриха II Баварского, прозванного Святым, троюродного брата Оттона. В благодарность Генрих еще до конца года выпустил новую хартию, в которой назвал Пьетро «дожем Венеции и Далмации» и подтвердил все привилегии, закрепленные за республикой. Вдобавок у Пьетро имелись еще дети, при помощи которых можно было укрепить связи с новым императором. В 1004 г. Генрих II Баварский впервые посетил Италию, и дож прислал к нему в Верону младшего из своих сыновей. Состоялась церемония конфирмации, на которой император выступил посаженным отцом и нарек мальчика христианским именем. Теперь за будущее отношений между Венецией и Западной империей можно было не беспокоиться.

Казалось бы, для столь значимой церемонии дожу следовало избрать старшего сына, а не младшего, но он хранил Джованни Орсеоло для Византии. Пьетро не считал возможным допустить, чтобы дружба с Оттоном или Генрихом повлияла на его отношения с Василием II Болгаробойцей. Далматинский поход, пусть и не оговоренный с Константинополем заранее, помог дожу снискать благосклонность восточного императора, права которого он тщательно оберегал и поддерживал. Василий II был только счастлив, что Венеция взяла на себя ответственность за регион, в котором сама Византия не могла навести порядок. Кроме того, за это время авторитет дожа в Византии возрос благодаря еще одной экспедиции, не такой масштабной, но более доблестной и увенчавшейся освобождением города Бари. Как столица Капитанаты – византийской провинции в Южной Италии, претендовавшей на сюзеренитет над всеми землями южнее черты, проходившей от Террачины на западе до Термоли на побережье Адриатического моря, – Бари был крупнейшей и важнейшей греческой общиной на всем полуострове. Однако в апреле 1002 г. на нее напали сарацины. Осада продолжалась все лето. Наконец

⁵⁰ Гробница Оттона III сохранилась до наших дней в крипте собора Святого Петра. За всю историю он стал единственным императором Запада, погребенным в Риме.

6 сентября венецианский флот под личным командованием Орсеоло прорвал блокаду, доставил голодающим горожанам продовольствие и после трехдневного морского сражения обратил захватчиков в бегство.

Благодарность Византии была тем более велика, что Венеция пришла на помощь Бари по собственной инициативе – хотя республике, очевидно, и самой было выгодно сдерживать экспансию сарацин в Италии. Орсеоло наверняка увидел, что настал удачный момент, чтобы закрепить свое преимущество. Сперва назначив девятнадцатилетнего Джованни своим соправителем, он отправил его вместе с младшим братом Оттоном с официальным визитом в Константинополь, где было достигнуто соглашение о брачном союзе между Джованни и цесаревной Марией Аргирой, племянницей братьев-императоров⁵¹. Церемонию провел патриарх в императорской часовне в присутствии Василия и Константина; новобрачных короновали по восточному обычаю, одновременно вручив им мощи святой Варвары. Далее последовали пышные торжества, после которых молодожены удалились в предоставленный им дворец. К возвращению в Венецию молодая догаресса была уже на довольно позднем сроке беременности.

Пьетро Орсеоло II достиг вершины своей карьеры. Благодаря умелым политическим решениям он возвел Венецию на новые высоты процветания и престижа. Благодаря своей воинской доблести – на многие годы вперед защитил республику от двух главных опасностей: славян, угрожавших ей с востока, и сарацин – с юга. Дожд утвердил влияние Венеции на всем далматинском побережье. Немалых успехов Пьетро добился и в области личных связей, соединив свою семью узами брака и кумовства с обеими империями и разделив с сыном дожескую власть (чего не случалось уже шестьдесят лет кряду). Но с ростом могущества росла и склонность Пьетро окружать себя все новыми и новыми атрибутами величия. Поэтому неудивительно, что многие венецианцы стали задумываться, не вскружила ли слава их правителю голову и не лелеет ли он, подобно некоторым предшественникам, тайный план преобразовать республику в наследственную монархию.

Но тут, как гром среди ясного неба, грянула беда. Осенью 1005 г. в южной части неба появилась комета, остававшаяся видимой целых три месяца подряд. Все понимали, что это дурное знамение, и действительно, уже в начале следующего года на Венецию обрушился голод, спастись от которого не помогли даже новообретенные житницы Далмации, пострадавшей не меньше, чем земли материковой Италии. Вслед за голодом пришла чума, унесшая – наряду со многими сотнями простых горожан – и молодого Джованни, и его жену-гречанку, и их малолетнего ребенка. Святой Петр Дамиани, едва скрывая злорадство, объясняет смерть догарессы божественным возмездием за ее пристрастие к восточной роскоши:

В привычках своих была столь изнежена, что брезговала даже омовениями в обычной воде, принуждая служанок собирать ей небесную росу для купания. Не снисходила и до того, чтобы пальцами касаться еды, но приказывала евнухам нарезать ее на мелкие кусочки, которые затем поддевала неким золотым орудием с двумя зубцами и подносила ко рту. Покои же ее так пропахли благовониями и всевозможными духами, что мне и говорить об этом тошно, да и читатели мои не поверят, коли скажу. Но Господь всемогущий возненавидел эту женщину за тщеславие и обрушил на нее Свою кару. Простер Он над нею меч правосудия Своего, да так, что все ее тело прогнило еще при жизни, и все ее члены иссохли, а спальные покои ее наполнились таким нестерпимым зловонием, что ни служанки, ни даже рабыни не могли его

---

⁵¹ На протяжении всего своего правления Василий II, прозванный Болгаробойцей, один из величайших императоров в истории Византии, формально делил престол со своим братом Константином VIII. Но Константин, бездарное и распутное ничтожество, практически не принимал участия в государственной деятельности и не сыграл никакой роли в событиях, описанных в этой книге.

выносить, кроме одной лишь прислужницы, которая, спасаясь при помощи ароматических смесей, оставалась при своей госпоже и по совести выполняла ее приказания. Но даже и та могла приблизиться к госпоже лишь поспешно и тотчас же отступить. Так, медленно угаснув в мучениях, она, к вящему облегчению и радости своих друзей, наконец испустила дух⁵².

Джованни пережил жену всего на шестнадцать дней. Их похоронили в монастыре Сан-Заккариа, в одной могиле. Пьетро Орсеоло был безутешен: его мечты о будущем потерпели крах. Ему не исполнилось еще и пятидесяти, но он, похоже, утратил всякую радость жизни. Возможно, этому сопутствовал и религиозный кризис, как у его отца. Но, в отличие от старого Пьетро, он не ушел в монастырь. Назначив соправителем третьего сына, Оттона, и составив завещание, по которому основная часть его имущества отходила церкви и беднякам, дож затворился в дальнем крыле дворца и перестал общаться даже с женой. Не прошло и двух лет, как он скончался в 1008 г.

Юному Оттону к тому времени исполнилось всего шестнадцать. Учитывая это, странно, что венецианцы не стали возражать, когда он разделил власть со своим отцом. Еще более странно, что ему позволили наследовать должность без единого возражения: Оттон стал самым молодым дожом за всю историю Венеции. Но в Средние века люди взрослели раньше, чем теперь, – случалось, шестнадцатилетние полководцы вставали во главе армий, а Оттон Орсеоло, по-видимому, был зрелым не по годам. «Он был католик верой, славный доблестью, сильный правдой, замечательный благочестием, красивой наружностью и большого богатства; он был настолько полон всяческих добродетелей, что все по праву считали его достойнейшим преемником превосходного отца и святого деда»⁵³.

«Крепкий в католической вере, незыблемый в чистоте, сильный во справедливости, выдающийся в делах религии, благочинный в образе жизни, обильный имуществом и богатством и столь преисполненный добродетелями всякого рода, что все сочли его наидостойнейшим преемником отца и деда», – так отозвался о нем Андреа Дандоло спустя триста лет. Такой промежуток во времени – не слишком надежная гарантия исторической точности, но, по крайней мере, залог относительной непредвзятости⁵⁴. Оттон Орсеоло действительно унаследовал многие черты своего отца, и среди них – властолюбие и вкус к роскоши. Новый дож был знаком с императорскими дворами Запада и Востока: при одном из этих дворов он прошел конфирмацию, а при другом – получил несколько высоких титулов. Венгерская принцесса, младшая сестра короля Венгрии Иштвана I (позднее причисленного к лику святых), на которой Оттон женился вскоре после смерти Пьетро, добавляла блеска его статусу. Подобно отцу, сын вскоре создал себе репутацию великолепного и блистательного правителя – по крайней мере, в той степени, в какой это допускали традиционно строгие нравы его подданных.

Но такому честолюбивому юноше, как Оттон, только внешних атрибутов власти было недостаточно. В 1017 г. наконец умер Витале Кандиано, старый патриарх Градо, занимавший эту должность с незапамятных времен – определенно больше полувека, – и Оттон назначил на его место своего старшего брата, Орсо. До того Орсо был епископом Торчелло⁵⁵, и дож передал

⁵² Поскольку Петр Дамиани не называет Марию Аргиру по имени и не упоминает о смерти ее сына и мужа (скончавшихся тогда же и по тем же причинам), некоторые специалисты предполагают, что он перепутал ее с другой греческой догарессой – Феодорой, женой дожа Доменико Сельво (см. главу 6). Но поскольку Сельво стал дожом лишь в 1071 г., а Петр Дамиани умер в феврале 1072 г., эта гипотеза кажется не слишком правдоподобной. Не исключено, что Петр не знал о чуме или просто умалчивал о ней, чтобы не испортить такую хорошую, на его вкус, историю.

⁵³ *Андреа Дандоло*. Венецианская хроника, II.1, перевод И. Дьяконова.

⁵⁴ Хроника Иоанна Диакона на этом месте обрывается, так что мы не располагаем сколько-нибудь подробным и последовательным описанием дальнейших событий с точки зрения современников.

⁵⁵ Нынешний собор в Торчелло был построен именно при Орсо. Здание сохранилось до наших дней почти в неизменности (см. главу 1).

эту епархию другому своему брату, Витале. Зря он это сделал! Новому патриарху едва исполнилось тридцать, а новый епископ был на десять лет его моложе. Как и следовало ожидать, среди благородных семейств Венеции с новой силой вспыхнула зависть к роду Орсеоло, и многие забеспокоились, не намерен ли дож все-таки перейти к наследственному правлению в той или иной форме. Недовольство было не настолько серьезным, чтобы спровоцировать бунт, и еще несколько лет дела шли достаточно гладко, но в 1019 г., когда патриархом Аквилеи был назначен знатный баварец Поппон из Треффен и на горизонте впервые сгустились тучи нешуточной угрозы, Оттон обнаружил, что не может больше рассчитывать на поддержку и добрую волю своих подданных.

Поппон был идеальным образцом типажа, чрезвычайно характерного для Средневековья⁵⁶, – честолюбивым, воинственным и до мозга костей светским служителем церкви. Едва вступив в должность, он объявил Градо исторической частью своего патриархата, назвав законного тамошнего патриарха Орсо самозванцем и узурпатором. Папа не поддержал его притязаний, но среди противников Орсеоло в самой Венеции Поппон нашел горячую поддержку, и в 1022 г. дожу и его брату пришлось бежать из города и укрыться в Истрии. Впрочем, Поппон зашел слишком далеко. Не дождавшись одобрения папы, он захватил Градо и принялся методично разорять церкви и монастыри, пересылая награбленное добро в Аквилею. Жители Градо и венецианцы не потерпели такой наглости: симпатии их тут же обратились в сторону братьев Орсеоло. Те поспешили обратно, выдворили Поппона и его приспешников – на удивление легко и быстро – и вернулись к своим обязанностям: Орсо – в Градо, Оттон – во Дворце дожей.

В 1024 г. синод, созванный в Риме папой Иоанном XIX, официально отверг притязания Поппона и подтвердил статус Градо как независимого патриархата. Казалось, семейство Орсеоло преодолело черную полосу и вновь надежно утвердилось у кормила власти. Так бы все и вышло, если бы дож хоть немного прислушивался к общественному мнению. Но притязания Оттона, как всегда, превосходили его возможности, и разразившийся два года спустя скандал по поводу очередных церковных назначений поставил точку в его карьере. На сей раз враги дожа действовали быстро и решительно, так что спастись бегством он не успел. Оттона схватили, сбрили ему бороду и отправили доживать свои дни в Константинополь.

Преемник Оттона, Пьетро Барболоано (более известный как Чентранико – таковы уж причуды номенклатуры, типичные для раннего периода венецианской истории!), на момент своего вступления в должность мог похвастаться одним-единственным достижением: лет за тридцать до того он похитил из Константинополя мощи святого Саввы и перевез их в церковь Сан-Антонино⁵⁷. На протяжении четырех лет Пьетро старался восстановить в городе единство и мир, но все усилия оказались напрасны. Зато политика Орсеоло, направленная на установление связей с императорскими династиями, начала приносить плоды. Византийский император принял Оттона (деверя своей племянницы) с почетом и в приступе гнева лишил Венецию торговых привилегий, которые еще в конце прошлого века даровал отцу Оттона Пьетро Орсеоло. Новый император Западного последовал его примеру, а венгерский король Иштван решил отомстить за дочь и зятя, отправленных в изгнание: он напал на Далмацию и захватил ряд прибрежных городов⁵⁸. Венецию по-прежнему разрывала на части борьба между фракциями, среди которых снова набрали силу сторонники Орсеоло: проблемы с новым правительством множились,

⁵⁶ По крайней мере в странах Западной Европы; а в православном мире этот традиционный типаж сохраняется и по сей день.

⁵⁷ Через 973 года (в 1965) папа Павел VI возвратил их православной церкви по просьбе патриарха Константинопольского, трогательно рассказывавшего, как монахи из лавры Святого Саввы «до сих пор каждый вечер собираются у пустой гробницы» (*The Times*, 18 марта 1965 г.).

⁵⁸ По всей вероятности, предпринять эту кампанию его побудил племянник – сын Оттона, Петр Орсеоло, который теперь жил в Венгрии и впоследствии сменил Иштвана на престоле. Прибегнув к типичной для той эпохи софистике, Петр без труда мог бы убедить короля, что Пьетро в свое время завоевал Далмацию ради семейства Орсеоло, а не для неблагодарных венецианцев, отправивших его потомков в изгнание.

и горожанами завладела ностальгия по былому благополучию. Кризис настал в 1032 г., когда Чентранико, в свою очередь, был вынужден отречься, а Витале Орсеоло, епископ Торчелло, поспешил в Константинополь – пригласить брата вернуться на престол. Между тем обязанности дожа временно принял на себя третий брат – Орсо, патриарх Градо, которому, как и Витале, удалось оседлать волну перемен.

Казалось, все вот-вот вернется на круги своя, но епископ Витале застал своего брата уже тяжелобольным. Оттон умер, не доехав до Венеции. Патриарх, все эти месяцы совмещавший светскую и религиозную власть в одном лице, отказался от дожеских обязанностей, как только получил известие о смерти брата. Предпринятая их дальним родственником, неким Доменико Орсеоло, попытка захватить власть была с легкостью подавлена. Один современный историк⁵⁹ охарактеризовал его как жалкую пародию на братьев Орсеоло: Доменико продержался во дворце лишь сутки, после чего бежал в Равенну.

Золотые дни Орсеоло миновали – и, как показала история, навсегда.

---

⁵⁹ R. Cessi, *Storia della Repubblica di Venezia*.

6

Нормандская угроза (1032–1095)

Смел был народ сей и в битвах морских искусен. По просьбе императора отправились они в Венецию, землю, равно обильную богатствами и людьми, омываемую водами того залива Адриатики, что лежит под северными звездами. Стены того народа со всех сторон окружает море: иначе как на лодке жители не могут добраться из дома в дом. Так они и живут постоянно на воде, и нет народа доблестнее их ни в морских сражениях, ни в искусстве судовождения.

Вильгельм Апулийский, нормандский хронист XI в.

Позорная попытка Доменико Орсеоло захватить власть в Венеции обернулась катастрофой не только для него самого, но и для всей семьи. Даже те венецианцы, которые до сих пор поддерживали дожа Оттона, были потрясены бессовестной претензией на то, что верховная власть в городе по определению должна принадлежать клану Орсеоло, и выразили свое негодование самым ясным и доступным способом – избрали дожем Доменико Флабанико, богатого торговца шелком, шестью годами ранее возглавившего мятеж против Оттона. Антидинастические взгляды Флабанико в сочетании с утвердившейся после него схемой передачи власти породили популярную среди историков теорию, согласно которой новый дож, по существу, провел конституционную реформу, запретив дальнейшую практику назначения соправителей (а фактически – наследников) и обеспечив переход от периода тирании к эпохе свободы и демократии. Один автор⁶⁰ идет еще дальше и заявляет, будто бы Флабанико издал особый указ, по которому все семейство Орсеоло было поражено в правах и навечно отстранено от всех государственных и общественных должностей, – и это несмотря на то, что оба церковных иерарха из этой семьи, Орсо и Витале, благополучно оставались во главе патриархата Градо и епархии Торчелло до самой смерти. В действительности произошла не столько реформа законодательства, сколько перемена умонастроений. Все необходимые законы, регулировавшие выборы дожа и наделявшие достаточной властью народное собрание, уже имелись. До сих пор не доставало только государственной воли, чтобы воплотить их в жизнь. Доменико Флабанико проявил такую волю и в некотором роде стал ее живым воплощением. И ему удалось повести народ за собой. Споры нет, в последующие семь с половиной столетий, вплоть до конца республики, имена представителей одних и тех же знатных семейств периодически появляются в списке дожей снова и снова; и было бы странно, если бы они не появлялись, учитывая, что большую часть этого времени в Венеции открыто действовал олигархический режим. Но за все это время мы находим лишь два таких случая, когда одна и та же фамилия повторяется два раза подряд, причем в обоих случаях власть переходила от брата к брату, а не от отца к сыну, и ни в одном из них законность избрания не вызывает ни малейших сомнений. Практика назначения соправителей больше не возродилась – более того, никто даже не пытался ее возродить.

Итак, правление Доменико Флабанико, продлившееся одиннадцать лет, стало, с одной стороны, важнейшей вехой в истории Венеции, а с другой – оказалось против обыкновения спокойным и даже скучноватым. Жизнь вернулась в мирное русло, борьба между фракциями отошла в прошлое, и горожане смогли сосредоточиться на двух занятиях, которые давались им

---

⁶⁰ Анонимный комментатор рукописи «Венецианской хроники» Андреа Дандоло из Амброзианской библиотеки в Милане – версии, которую еще в XVIII в. директор этого музея охарактеризовал как *confusa indigestaque farrago* («путаная и неудобоваримая мешанина»).

лучше всего: во-первых, на торговле, во-вторых, на расширении и облагораживании собственного города. Впрочем, со смертью дожа этот период счастливого покоя внезапно оборвался. Во время краткого междоцарствия все тот же отвратительный тип Поппон Аквилейский предпринял очередную попытку захватить Градо: он снова, во второй раз за двадцать лет, натравил свою армию головорезов на злополучный город и забрал те немногие сокровища, которые удалось сберечь от него при первом набеге. К счастью, почти сразу после этого Поппон умер, а его приспешники бежали сломя голову, узнав о приближении венецианского флота под началом нового дожа Доменико Контарини. Но, несмотря на то что в 1044 г. папа официально осудил поступок патриарха Аквилейского и снова подтвердил все права и свободы Градо, соперничество между двумя патриархатами оставалось болезненным вопросом на протяжении многих лет. Вероятно, оно обернулось бы еще большими бедами, если бы после смерти Орсо, скончавшегося в 1045 г., новый патриарх Градо не принял разумное решение перенести свою кафедру в Венецию. Его преемники так и не вернулись на прежнее место, из-за чего связи с Градо постепенно ослабли настолько, что в XV в., когда папа формально признал перенос кафедры из Градо в Венецию, фактически не изменилось ничего, кроме титула патриарха⁶¹.

Единственным военным походом дожа Контарини, не считая освобождения Градо, стала экспедиция 1062 г. в Далмацию⁶². Здесь год от года нарастал хаос под перекрестным давлением хорватов, венгров и Византии, а особенно – после вторжения Иштвана Венгерского сорока годами ранее. Отвоевав Зару, венецианцы не положили конец беспорядкам, но дали некоторую надежду на лучшее местному латиноязычному населению и к тому же своевременно напомнили миру, что добавочный титул дожа Далмации был присвоен их правителю не ради красного словца. Внутри самой республики Контарини на протяжении 28 лет своего правления поддерживал благополучие и мир, продолжая начатое своим предшественником, и уделял много времени благочестивым трудам, которые в истинно венецианском духе совершались к вящей славе города. Сочтя, что собор Святого Марка в том виде, в каком его отстроил после пожара дож Пьетро Орсеоло, больше не выдерживает конкуренции со своим окружением, Контарини призвал архитекторов выступить с новыми, более смелыми решениями. Между тем на Лидо появился великолепный бенедиктинский монастырь, основанный дожем, выстроенный преимущественно на его средства и посвященный покровителю всех мореплавателей Николаю Чудотворцу.

Нынешняя церковь Сан-Николо ди Лидо – довольно бледная поделка XVII в.; от первоначального здания не сохранилось практически ничего, кроме двух роскошных венецианско-византийских капителей при входе в монастырь. В остальном здание начисто лишено той завораживающей красоты, которая присуща другой (и гораздо более старой) венецианской церкви, посвященной тому же святому, – Сан-Николо деи Мендиколи⁶³. Однако над входом в церковь ди Лидо можно увидеть памятную табличку, перечисляющую три военных триумфа Контарини: поход в Далмацию, освобождение Градо и, наконец, победу над нормандцами в Апулии⁶⁴.

⁶¹ Первый патриарший дворец в Венеции стоял на берегу Гранд-канала, между церковью Сан-Сильвестро и мостом Риальто. Это здание запечатлено на картине Карпаччо «Исцеление бесноватого», которая входит в цикл картин, посвященных чудесам Святого Креста, и ныне хранится в галерее Венецианской академии.

⁶² Андреа Дандоло датирует ее 1044 г., но с этого места он начинает немного путаться в хронологии.

⁶³ Недавно она была реставрирована британским фондом «Венеция в опасности».

⁶⁴ Надпись на этой табличке гласит: «Domenico Contareno / qui rebellam Dalmatiam compressa foedera domuit / Gradum pulsus Aquileiense rescipit / Normannos in Apulia vicit» (лат., «Доменико Контарини, / который укрепил союз, усмирив мятежную Далмацию, / отвоевал Градо у аквилейских захватчиков, / победил нормандцев в Апулии»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.